

Глава 3

МАРТОВСКАЯ НИТЬ: ПРЕДМЕТНЫЙ КОД В РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

3.1. Номинация мартовской нити

Обычай ношения мартовской нити¹ существует у румын, молдаван, арумын, болгар, македонцев, греков и албанцев, то есть у большинства балканских народов (см., например: [Анфертьев 1979б: 130–135; МДАБЯ 2005: 90–91]). В середине — второй половине XX в. обычаем ношения мартовских нитей фиксируется и у некоторых других этнических групп, например у украинцев и евреев Молдовы, у немцев, проживающих в Румынии [ПМА 2002; 2011б; 2005б (информант Кристина Гинда, уроженка города Ватра Дорней)].

Некоторые болгарские и румынские ученые с уверенностью именуют названный обычай, соответственно, болгарским (Л. Йорданова) или восточнороманским (И. Гиною) (см.: [Йорданова 1996; Ghinoiu 2001: 117–118]).

Болгарский исследователь Л. Йорданова, исследуя мартовские ритуалы, связанные с изготовлением мартовских нитей в Болгарии, приводит материалы, свидетельствующие о связи обычая вывешивать во дворе различные предметы из ткани, пряжи, ниток красного цвета, и обычая изготовления и ношения мартовских нитей [Йорданова 1988: 44]. Однако обычай ношения мартовских нитей распространен в гораздо более широком ареале, нежели традиция вывешивания во дворе красной ткани и одежды. Впрочем, согласно исследованиям А.А. Плотниковой, конфигурация изодоксы² «мартовская нить» располагается почти параллельно изодоксе «вывешивание 1 марта красной ткани» [Плотникова 2004б: 129].

¹ Данный термин заимствован автором у А.Н. Анфертьева [Анфертьев 1979в: 133–139].

² Данный термин предложен в статье Н.И. Толстого и С.М. Толстой [Толстой, Толстая 1978: 46–47].

У румын мартовская нить почти повсеместно обозначается термином *mărțișor* (*мэрцишор*) [Fochi 1976: 198–202; Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319]. Румынский исследователь И. Гиноу в своей работе «Сокровище сел: народный календарь» [Ghinoiu 2005: 57] приводит карту из «Малого лингвистического атласа Румынии», где отмечены и другие названия, например: *Dochia* (Докия)¹ (жудец Бакэу, румынская Молдова), *Luna lui Marta* «месяц Марты» (жудец Телеорман, Мунтения)², *Luna lui Martie* «месяц март» (жудец Вылча, Олтения), *Marț* (Западные Горы), *Mart*, *Marte* (жудец Яссы, Молдова) [Там же; Плотникова 2009]. У румын Мунтении в качестве наименования мартовской нити был зафиксирован термин *mărț* (опред. форма — *marțu*, *marțul*) (жудец Прахова, жудец Джурджу) [Densușianu 1926: 313; Sărbători... 2009. 5: 283–284].

На территории Республики Молдова наряду с наименованием *mărțișor* зафиксирован также термин *mărțișuș* [Попович 1977: 287–295].

У румын (влахов), живущих на территории Болгарии — в долине р. Тимок (область Видин) и придунайских районах областей Враца и Плевен, наряду с термином *mărțișor* употребляется термин *мартеница* (*мартеничка*), заимствованный у болгар, — г. Брегово (община Брегово), с. Градковски Колиби (община Бойница), с. Дружба, Гомотарци (община Видин) в области Видин, с. Остров (община Оряхово) в области Враца, с. Милковица (община Гулянци) в области Плевен [Atlasul... 2011. 1: 100–101; ПМА 2005а, ПМА 2012а]. В таких населенных пунктах области Видин, как с. Тополовец (община Ружинци), Раброво (община Бойница), Гымзово, Балей (община Брегово), Покрайна (община Видин), Флорентин (община Ново село), употребляется только термин *mărțișor* [Atlasul... 2011. 1: 100–101]. У румын (влахов), живущих в г. Козлодуй и с. Хырлец (община Козлодуй) в области Враца, в с. Черковица и Драгаш войвода (община Никопол) и с. Белене (община Белене) в области Плевен, употребляется только термин *мартеница* (*мартеничка*) [Atlasul... 2011. 2: 102–103].

У арумын это украшение-оберег также именуется *mărțu* [МДАБЯ 2005: 90–91; Țîrcomnicu 2004: 141–142].

¹ В данном случае название мартовской нити совпадает с именем мартовской старухи.

² В Телеормане, как говорилось выше, были зафиксированы сведения, согласно которым мартовская старуха носила имя «Марта» [см.: Fochi 1976: 23–29].

У болгар наименования мартовской нити более разнообразны, хотя чаще встречается термин *мартеница* (*мартеничка*). Бытуют у болгар и такие термины, как *марта* (ряд населенных пунктов в Пиринском крае; с. Крапец (община Шабла), Былгарево (община Каварна), Александрия (община Крушари) в области Добрич в Южной Добрудже), *мартенка* (с. Пирин, община Сандански, область Благоевград, Пиринский край), *мартичка* (с. Александрия, община Перник, область Перник; с. Костанденец, община Цар Калоян, область Разград, этнографическая группа капанци), *мартенича* (с. Мырчаево, Столична община, область София)¹, *Баба Марта* (г. Шипка, община Казанлык, область Стара Загора), *мартишора*² (с. Пчеларово, община Генерал-Тошево, область Добрич, Южная Добруджа), *китица* (г. Грамада в области Видин и некоторые другие населенные пункты на северо-западе Болгарии), *китичка* (с. Костанденец, община Цар Калоян, область Разград, *капанци*), *гадалушка* (г. Лясковец в области Велико Тырново и др. населенные пункты в северной и центральной Болгарии), *кичилка*, *байница*, *тъстих* «четки» (Родопы) [Дражева 1980; Василева 1985; Йорданова 1996: 65–66].

Большинство наименований мартовской нити у болгар, как и у других балканских народов, происходят от названия первого весеннего месяца. Термины *китица*, *китичка*, *кичилка*, по-видимому, являются производными от глагола «украшать», «убирать цветами». Появление терминов *гадалушка* и *байница*, очевидно, связано с использованием мартовских нитей для гаданий и магических действий [см.: Йорданова 1996: 65–66; Василева 1985].

У македонцев мартовская нить может именоваться *мартинка*, *мартинче*, *марте*; в Западной Македонии также *моъак*, *мръак*, *млъак* [Миладинови 1981: 522; Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149; Плотнокова 2004б: 130; Кашуба 1977].

У греков мартовские нити могут называться *μάρτες* (pl. от слова «март»), *ὁ μάρτης* (m. sg.), *ἡ μάρτα* (f. sg.) [Анфертьев 1979б: 130]. Встречаются также такие греческие наименования мартовской нити, как *ου Μαρτ΄*, *ου Μαρτ΄ς* (с. Эратира, округ Козани, западная часть греческой Македонии), *m'arti* (с. Кастелли — *Καστέλλ*, район Калаврита, Пелопоннес), *το Μαρτοάτονο* (о. Карпатос) [Зайковская, Зайковский, 2001; МДАБЯ 2005: 90–91; Пономарченко 2001].

¹ В прошлом — область Перник.

² Данное название, несомненно, обязано своим появлением румынскому влиянию.

У гагаузов Южной Бессарабии это украшение-оберег именуется *marta* [Сорочяну 2006: 162].

У албанцев для обозначения мартовских нитей употребляются такие лексемы, как *verore* «летние» (Эльбасан), *martэ* (*mart/ë*, *-a*), *martpa* (*martra* — pl. от *martë*), *guduvere kose*¹, *smilirësh* [см.: Анфертьев 1979б: 130–131; Новик 2010а; Юллы, Соболев 2003; МДАБЯ 2005: 90–91]. У албанцев Приазовья наряду с термином *martë* бытует также термин *Babo Martë* [Новик 2010а]. В «Малом фольклорном словаре» Т. Папахаджи приводится термин *manak*, также обозначающий мартовскую нить у албанцев (ср. макед. *моњак*) [Leotti 1937: 642. Цит. по: Papahagi 1979: 323–328; Meyer 1891: 257. Цит. по: Papahagi 1979: 323–328].

3.2. Конструктивные параметры мартовской нити

Цветовые характеристики мартовских нитей у румын довольно разнообразны, однако чаще всего встречается двухцветный мэришпор, изготовленный из двух перевитых ниток — красной и белой. Двухцветная красно-белая мартовская нить была распространена у румын еще во второй половине XIX в. [Fochi 1976: 198–202]. Согласно сведениям из отдельных районов Олтении (жудец Вылча и бывший жудец Романац), Мунтении (жудец Арджеш) и румынской Молдовы (жудецы Нямец и Васлуй), мартовская нить могла быть и одноцветной — красной [Там же]. В прошлом встречались также черно-белые мартовские нити. Их бытование зафиксировано, в частности, у румын в жудеце Мехединць и у арумын — потомков переселенцев из Пинда в румынской Добрудже. Как правило, такие мартовские нити изготавливались из неокрашенной овечьей шерсти, однако у арумын встречались и черно-белые мартовские нити из хлопчатобумажных ниток [ПМА 2010; Țircomnicu 2004: 142]. Встречаются и сведения о том, что в Олтении (жудец Вылча) и Мунтении (жудец Брэила) встречались черно-красные мартовские нити [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2009. 5: 283–284], в Мунтении (жудец Телеорман, жудец Арджеш) — также красно-черно-белые [Sărbători... 2009. 5: 283–284], а в румынской Молдове (жудец Вранча) — сине-красные [Fochi 1976: 198–202]. В южной Трансильвании (жудец Брашов) для

¹ Вторая часть этой двусоставной лексики происходит, вероятно, от славянского ‘коса’, этимология первой неясна (см.: [Анфертьев 1979б: 130–131]).

изготовления мартовских нитей могли использовать красные, белые, синие и желтые нитки [Sărbători... 2003. 3: 280–281].

В период с конца XIX до середины XX в. при изготовлении румынских мартовских нитей могли использоваться и шерстяные, и хлопчатобумажные, и конопляные, и льняные, и шелковые нитки [Fochi 1976: 198–202; Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; Голант, Плотникова 2012]. По словам информантов из различных населенных пунктов Олтении и Мунтении, еще в середине XX в., в частности в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы, женщины, девушки и девочки делали мартовскую нить чаще всего из хлопчатобумажных ниток (из них изготавливали как сам оберег, так и декоративные объекты, крепившиеся к нему, — для этого нитками обвивали кружки или квадратики, вырезанные из картона). Такую мартовскую нить могли носить, повесив на шею или приколов на грудь с помощью булавки [ПИМА 2005б (информант Лучия Флореску); Голант, Плотникова 2012: 361–423; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Мария Бэдулеску, ком. Байя-де-Фьер)]. В Трансильвании встречались мартовские нити, изготовленные из цветных бусин, нанизанных на нить (жудец Сэлаж) [Sărbători... 2003. 3: 280–281].

В настоящее время румынская мартовская нить всегда является двухцветной — красно-белой — и почти всегда изготавливается из двух шелковых ниток (концы ее при этом заканчиваются кистями) (см. рис. 4 и др.). На территории Республики Молдова мартовские нити и в настоящее время чаще всего бывают изготовлены из хлопчатобумажных ниток (всегда — красной и белой) (рис. 5).

У румын (влахов), живущих в болгарской части долины р. Тимок (область Видин) и придунайских районах областей Враца и Плевен, распространены и шерстяные, и шелковые, и хлопчатобумажные мартовские нити. Здесь также встречаются только двухцветные (красно-белые) артефакты [Atlasul... 2011. 1: 100–101; 2011. 2: 102–103].

Болгарские мартовские нити (*мартеници*) также чаще всего были изготовлены из красной и белой ниток, однако нередко встречались и *мартеници*, изготовленные только из красных ниток (например, в Пловдивском крае — с. Михилци (община Хисаря, область Пловдив) и Слатина (община Карлово, область Пловдив)) [Миков 1985: 46, 66; Стаменова 1986: 244–283]. Существовали у болгар и белые мартовские нити. В некоторых областях Болгарии были распространены двухцветные *мартеници* из красной и синей нитей (районы Софии и Мелника)

Рис. 4. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, кулона в форме четырехлистного клевера и открытки. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-49

Рис. 5. *Мэрцишор* для ношения на груди. Молдаване, Республика Молдова, конец XX — начало XXI в. Музей истории и этнографии, г. Бельцы. Фото из архива автора

[Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. Также у болгар встречались многоцветные *мартеници* (главным образом в Родопах) [Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. У капанцев в северо-восточной Болгарии было принято повязывать 1 марта бело-сине-красные *китички* ягням, тогда как люди носили бело-красные *мартички* [Василева 1985]. Однако, по мнению ряда болгарских исследователей, многоцветные мартовские нити появились значительно позже, нежели двухцветные и одноцветные [Миков 1985: 46, 66; Колева 1977]. Традиционные болгарские мартовские украшения-обереги изготавливались чаще всего из шерсти, однако встречались также мартовские нити из хлопчатобумажных (в частности, в области София и у капанцев в северо-восточной Болгарии), а также из шелковых, льняных и конопляных ниток [Миков 1985: 46, 66; Василева 1985; 1993]. В наши дни болгарские мартовские нити, как правило, изготавливаются из шерстяных ниток и чаще всего являются двухцветными — красно-белыми. Однако современная болгарская *мартеница* может быть и трехцветной: бело-красно-зеленой, бело-красно-синей и т.д.

У **македонцев** тоже распространены бело-красные мартовские нити (Струга, Дебар); наряду с ними встречаются черно-белые — из неокрашенной белой и темной овечьей шерсти — и красно-черно-белые (район Охрида) [Миладинови 1981: 522; Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149; Плотникова 2004б: 130; Китевски 1996б]. Встречаются сведения, согласно которым *мартинки* могли изготавливать из шерсти, собранной в овчарне или с веток елей и кустов терновника, о которые чесались овцы [Китевски 1996б]. В области Дебар встречалась мартовская нить (*мльак*) из красных шелковых и белых льняных нитей (информация из с. Галичник, община Маврово и Ростуша, Западная Македония) [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

У **гагаузов** Южной Бессарабии также встречаются только красно-белые мартовские нити [Сороच्याн 2006: 162].

У **албанцев** бытуют мартовские нити, изготовленные из ниток белого, черного, красного и желтого цветов (сведения из с. Мухурр крайны Дибра) [Юллы, Соболев 2003: 420–421]. У абанцев Южной Бессарабии и Приазовья мартовские нити всегда изготавливались из красной и белой ниток [ПМА 2011а; Новик 2010а]. Согласно сведениям, записанным А.А. Новиком в с. Георгиевка Запорожской обл. Украины, нитки, использовавшиеся для их изготовления, могли быть хлопчатобумажными, шелковыми или шерстяными; чаще всего использовались хлопчатобумажные нитки [Новик 2010а].

У **турок** Охрида (Македония) наряду с бело-красными бытуют бело-желтые мартовские нити, которые сперва вешают на шею детям, а затем — на розовый куст, «отдавая» ему болезни и зло, которые символизирует желтый цвет [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134]. (Ср. использование цветных нитей в румынской врачующей магии: в некоторых областях Румынии человек, больной желтухой, носил на шею в течение недели желтую нитку, а затем менял ее на красную [Olteanu 1998: 73–74]. Желтая нить в данном случае символизирует болезнь (желтуху), красная — здоровье. Похожим образом в народной медицине использовались и черные нити: больному ребенку повязывали во вторник вечером¹ нитку из черного шелка вокруг шеи; другую шелковую нитку того же цвета повязывали вокруг куста роз в саду; в среду утром эти две нити меняли местами, после чего, как считалось, ребенок должен был выздороветь [Ibid.: 73].)

У **греков** более всего распространены бело-красные мартовские нити, но встречаются также бело-голубые (на севере Греции), красно-бело-голубые (на островах южной Греции — Родос, Карпатос) и красно-золотые [Зайковская, Зайковский 2001; Пономарченко 2001; Иванова 1977б]. На островах Кикладского архипелага в первые дни марта детям надевали на пальцы рук вместо мартовских нитей кольца или бусы из стекла и кораллов [Иванова 1977б]. Также в островной части Греции известен обычай повязывать 1 марта на запястье красную шерстяную нитку [Чёха 2009: 53–61].

3.2.1. Цветовая символика мартовской нити: типологические параллели

Красная нить была одним из самых распространенных оберегов в румынской традиционной культуре. Она использовалась в качестве средства защиты от глаза и болезней, а также в магических практиках,

¹ Это время у румын считалось неподходящим для работы, однако благоприятным для выполнения магических действий. Так, существовало представление о том, что женщин, которые занимаются прядением или др. рукоделием вечером во вторник (или в ночь со вторника на среду), наказывает мифологическое существо, именуемое *Marți Seara* ‘вторник вечер’ или *Marțolea*, либо *Sfânta Miercuri* ‘святая среда’ (см., например: [Olteanu 1998: 187–188]). Жители Марамуреша верили, что по нити, изготовленной во вторник вечером, *вырколаки* [*vârcolaci*, sg. *vârcolac*] — существа, пожирающие Луну, — могут взобраться на Луну с Земли [Ghinoiu 2001: 116].

направленных на излечение. Например, у румын Буковины существовал обычай, согласно которому повитуха после рождения ребенка изготавливала кисть из красной шерсти и прибывала ее над дверью [Ciauşanu 2001: 194]. В Молдове в тех же обстоятельствах вонзали в порог иглу с продетой в нее красной ниткой [Ibid.]. В ряде областей Румынии, в том числе в Олтении, красную нить повязывали на руку младенцу [Голант 2008]. Кроме того, красные нити могли продевать детям в уши, чтобы защитить их от сглаза [Credinţe... 2000: 90]. В Мунтении на шею ребенку надевали красную ленточку с подвешенной к ней долькой чеснока, чтобы уберечь его от сглаза [Ciauşanu 2001: 194]. В Олтении встречается обычай, согласно которому беременная женщина, которая должна была присутствовать на похоронах, повязывала красную нить на палец руки [Голант 2008]. Кроме того, у румын широко распространен обычай повязывать красные нити на шеи и хвосты домашних животных, в первую очередь новорожденных, а также очень красивых [Credinţe... 2000: 90].

Использование белой нити в качестве самостоятельного оберега или магического средства у восточнороманских народов, по-видимому, не было распространено. Однако нужно отметить, что у румын существует представление, согласно которому белый цвет, так же как и красный, способен защитить от сглаза. Это представление выражено в поговорке «Красную вещь не сглазят в лавке, а белую кобылу — в табуне» (*“Nici roşul nu se deoache la prăvălie, nici iapa albă în herghelie”*) [Ibid.].

В румынском языке прилагательное «белый» (*alb*) может использоваться в значении ‘прозрачный’, ‘чистый’, а также ‘невинный’. Устойчивое выражение «белые дни» (*zile albe*) обозначает безмятежную, счастливую жизнь, «белый свет» (*lumea albă*) в народных сказках означает ‘реальный мир’, ‘мир людей’. Существует также устойчивое выражение «белые деньги на черный день» (*bani albi pentru zile negre*) [DEX 1998: 23]. В то же время обозначение красного цвета в румынском не имеет такого количества положительных коннотаций, как в славянских языках (см. ниже). Например, выражение “*a vedea roşu*” (*înaintea ochilor*) («видеть красное (перед глазами)») обозначает «очень сильно разозлиться», «выйти из себя» [Ibid.: 934]. (В скобках заметим, что обозначения черного и синего цветов в румынском языке имеют преимущественно отрицательные и в значительной мере сходные коннотации. Так, выражение *inimă-albastră* ‘синее сердце’ обозначает грусть, досаду или ярость; выражение “*a avea inimă neagră*” ‘иметь черное сердце’ означает «быть грустным» [Ibid.: 24, 682].)

В литературе встречаются различные трактовки символики основных цветов мартовской нити. Согласно одной из них, красная нить символизирует здоровье и силу (кровь, румянец) и является оберегом, защищающим от болезней, а белая — долгую жизнь (седину). Болгарский исследователь Л. Йорданова пишет, цитируя, вероятно, слова своих информантов, что болгары повязывают детям мартовские нити, “*за да бъде детето здраво и червено, да остарее и побелее*” — «чтобы был ребенок здоровым и румяным (красивым? — букв. ‘красным’), чтобы состарился (то есть дожил до старости) и поседел» [Йорданова 1996: 98]. Представители этнографической группы капанци в северо-восточной Болгарии объясняли обычай ношения мартовских нитей (преимущественно детьми и девушками) следующей фразой: «*Да ставаме бели и червени, да не ни почерни баба Марта*» («Чтобы мы были белыми и румяными (красными), чтобы нас не почернила баба Марта») [Василева 1985]. Поговорка, сходная с болгарской, существует у македонцев, которые повязывали себе мартовские нити со словами: «*Да сме бели и червени като тези мартинчета*» («Чтобы нам быть такими же белыми и румяными (красными), как эти мартовские нити») [Китевски 1996а: 73; Плотнокова 2004б: 131]. Сходное объяснение обычая ношения мартовской нити было зафиксировано и у румын: “*Cruciulița era cumpărată și un fir de ață roșie și albă lucrat de fete, să fie albe și roșii ca măștișorul*” («Крестик был купленной с нитью из красной и белой ниток, сделанной девушками, чтобы быть белыми и красными, как *мэртишор*») (с. Лерешть, жудец Арджеш, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Л. Йорданова отмечает также, что ношение красно-белых мартовских нитей на исходе зимы связано с тем, что в этот период и пищевые запасы, и жизненная сила людей и животных на исходе [Йорданова 1988: 45].

Встречается также мнение, согласно которому белый и красный цвета не составляют бинарной оппозиции, а находятся в функциональном и семантическом единстве [см.: Миков 1985: 46]. Здесь можно вспомнить болгарский обычай развешивать 1 марта предметы одежды красного цвета на воротах, заборах и хозяйственных постройках, и объяснение, которое дают этому обычаю жители Южной Добруджи: «*Сутринта на 1 март изнасят червена дреха, за да има бели овце, защото бялата вълна лови червена боя*» («Утром 1 марта выносят наружу красную одежду, чтобы иметь белых овец, потому что белая шерсть “ловит” красную краску (то есть может быть окрашена в красный цвет)») (г. Алфатар, область Силистра, Болгария) [Василева 1974]. Однако в той же Южной Добрудже, как и в ряде других районов Болгарии, аналогичная практика имеет и дру-

гое объяснение — нужно вывесить во дворе одежду, лоскутки или нитки красного цвета, чтобы погода была теплой: «*Да е весела Марта, да не се люти*» («Чтобы была Марта веселой, чтобы не злилась»), и ни в коем случае нельзя выносить из дома какие-либо предметы белого цвета, чтобы летом не было дождя [Там же].

Для южных славян слова «белый» и «красный» являются в определенном смысле синонимами слова «красивый». У болгар и македонцев словосочетание «*бела-червена*» — устойчивый эпитет для красивой девушки или женщины. Так, *вилы* (мифологические существа в образе прекрасных женщин) могут обозначаться эвфемизмом «*бели-червени*» [Плотникова 1996: 45–46]. Вспомним также приведенные выше болгарские и македонские поговорки-пожелания для тех, кто носит мартовские нити: «*да сме бели и червени*» (букв. «чтобы мы были белыми и красными») и т.д. В этой связи можно вспомнить русское устойчивое выражение «*красна девица*» и др., а также укр. «*біла дівка*», «*білий хлопець*», укр. гуцул. *білявина*, *білявка*, *білявочка* — ‘милая’, ‘возлюбленная’ [Колесса 1938: 54–55; Гуцульски говірки 1997: 26].

В качестве отступления заметим, что В. Тернер, изучавший символику цветов на материалах африканских культур, также утверждал, что эти два цвета, красный и белый, не могут быть определены как бинарная оппозиция, но являются членами триады, которую образуют вместе с черным цветом [Тэрнер 1983: 73]. Основываясь на материалах культуры *ндембу*, Тернер делает следующие выводы: *белый цвет* может символизировать как женское начало (грудное молоко), так и мужское (сперма); аналогичным образом красный цвет может представлять как мужское начало (например, кровь, пролитая на охоте или на войне), так и женское (например, менструальная кровь или кровь, пролитая при рождении ребенка) [Там же: 72–73, 76–79]. Нормальная (здоровая) сперма может быть представлена белой или бело-красной, бесплодная — черной или черно-белой [Там же: 78, 92–93]. В одних ритуалах белый цвет может символизировать женское начало, а красный — мужское, в других — наоборот [Там же: 72]. Обозначение белого цвета во всех случаях имеет позитивные коннотации, это цвет чистоты и возрождения. Даже в погребальных ритуалах белый цвет присутствует как символ очищения, но не как символ смерти (например, у группы *убанги* родственники усопшего в определенный момент погребальной церемонии красят свои тела в белый цвет) [Там же: 80]. Красный цвет является амбивалентным: он символизирует фертильность и здоровье, то есть жизнь, но также и опасность, так как функция живых — не только

порождать себе подобных, но и *убивать* [Там же: 80, 90]. Черный цвет символизирует смерть, нечистоту и бесплодие [Там же: 80]. Красный цвет в одних случаях является практически эквивалентным белому, в других — подобен черному. Например, кровь роженицы, пролитая при рождении ребенка, или кровь, пролитая в медицинских целях, у *идембу* обозначается красным цветом; менструальная кровь или кровь, пролитая при убийстве, — красным и/или черным, а кровь, пролитая на охоте или при жертвоприношении на могилах предков — красным и/или белым. Для большинства ритуалов в охотничьих культурах типичны красные и белые символы [Там же: 90].

Как было сказано выше, существуют сведения, согласно которым в румынских, арумынских, македонских и албанских мартовских нитях может присутствовать черный цвет (наряду с красным и/или белым) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; Плотникова 2004б: 131; Юллы, Соболев 2003: 422], однако такие упоминания встречаются сравнительно редко¹.

Как пишет В. Тернер в монографии «Символ и ритуал», ссылаясь на материалы африканских культур, черный цвет часто присутствует в триаде «белый–красный–черный» как некий «молчаливый партнер» или «ленивый бог» и нередко исчезает из символики ритуалов [Тэрнер 1983: 80–81]. Можно предположить, что подобным образом исчез черный цвет и из хроматики мартовских нитей, коль скоро упоминание о таких явлениях, как темнота, холод, бесплодие и смерть, считалось нежелательным. На наш взгляд, в румынской традиции присутствие в рассматриваемом украшении-обереге красной нити связано прежде всего с защитной функцией, а белой — с симпатической магией, направленной на сохранение или приобретение красоты (аналогичную функцию выполняла серебряная монета, подвешиваемая к мартовской нити, — см. ниже).

3.2.2. Подвески к мартовской нити

В конце XIX — начале XX в. румынский *mărțișor* очень часто представлял собой шнурок из двух перевитых нитей с подвешенной к нему серебряной, медной или (изредка) золотой монетой. Встречались и мартовские нити, к которым было подвешено несколько монет [Fochi 1976: 198–202; Ghinoiu 1997: 119–120]. Монета была типичным украшением и для молдавских мартовских нитей [Попович 1977: 287–295].

¹ В этой связи можно вспомнить сравнение черно-белой ласточки с мартовской нитью, которое делает Т.В. Цивьян [Цивьян 2009: 48–52].

Монета, в первую очередь серебряная, очевидно, воспринималась как магический предмет, который может принести человеку здоровье, удачу и, возможно, богатство [Там же; Olteanu 1998: 22]. У восточнороманских народов монеты широко использовались в различных магических практиках. Например, жители некоторых сел жудеца Горж (Олтения) на третью ночь после рождения ребенка оставляли на каравае хлеба серебряную монету для *ursitoare* — мифологических существ в образе женщин, предсказывающих и определяющих судьбу ребенка. На следующий день эту монету вешали младенцу на грудь (*монета в данном случае символизирует удачу*) [Pamfile 2000: 7–8]. В Олтении же был зафиксирован обычай, согласно которому женщины протягивали серебряную монету через ворот и рукава новой одежды, прежде чем надеть ее на ребенка. Это делалось для того, чтобы уберечь его от злых чар, чтобы он рос здоровым и ему сопутствовала удача (в этом случае *монета является символом удачи, здоровья и оберегом от злых чар*) [Olteanu 1998: 22]. В некоторых районах Румынии серебряные монеты использовались для исцеления ран. Для этого монету помещали на рану, сверху накладывали повязку, и так оставляли на несколько дней (*монета должна была способствовать восстановлению здоровья*) [Там же]. У румын встречается и обычай, согласно которому в день св. Георгия девушки умывались водой, в которую предварительно клали серебряные монеты, «чтобы быть белыми и чистыми, как серебро» (*серебряная монета выступает как символ чистоты, ей приписываются очищающие свойства*) [Там же]. У молдаван в бывшем Бендерском уезде во время помолвки жених и невеста мыли руки водой из кувшина, в который были положены монеты, «чтобы было изобилие в хозяйстве» (*монета воспринимается как символ богатства*) [Зеленчук 1959: 24].

Привлечение богатства, вероятно, является более поздней функцией монеты-оберега по сравнению с другими функциями, упомянутыми выше. Функции сохранения чистоты и здоровья, а также привлечения удачи, приписывались, очевидно, не только монете как таковой, но и металлу, в первую очередь серебру. Другим довольно распространенным украшением румынской мартовской нити был крестик, также изготовленный, как правило, из металла [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284]¹.

¹ Иногда встречаются сведения, согласно которым этот крест мог быть изготовлен из дерева грецкого ореха (жудец Дымбовица, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284].

Монета, когда-то являвшаяся почти обязательным дополнением к румынской мартовской нити, позже была заменена различными декоративными объектами, большинство из которых представляют собой различные символы счастья и удачи — изображение ключа, четырехлистного клевера, божьей коровки, подковы и т. д. Чаще всего они также бывают изготовлены из металла (несколько десятилетий назад их делали из серебра или золота, в настоящее же время — чаще всего из жести, покрытой цветной эмалью) (см. рис. 4).

Монетой часто бывала украшена и арумнская мартовская нить. Другим распространенным дополнением к мартовской нити у арумын был крестик или бусина (бусины) [Țigomnicu 2004: 191–192; 2009: 60–61].

Старинные болгарские мартовские нити также довольно часто украшались монетами (такое украшение было распространено, в частности, в области Пловдив) [Йорданова 1988: 44; Стаменова 1986].

У македонцев также встречались мартовские нити с нанизанными на них монетами. В частности, в с. Галичник (община Маврово и Ростуша, область Дебар) красно-белый *мльак* из шелковой и льняной нитей украшался несколькими старинными серебряными и золотыми монетами [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149]. Обычай украшать мартовские нити старинными монетами зафиксирован и у турок в Охриде (Македония) — в данном случае монеты символизируют силу и богатство [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979а: 134].

Старинные болгарские мартовские нити могли быть украшены подвешенными к ним головками чеснока¹ или прядями конского волоса [Мигов 1985: 46, 66; Колева 1977]. Позже у болгар появились *мартеници*, украшенные бусинами, а также кистями, помпонами и т. д., изготовленными из ниток [Йорданова 1988: 44; Василева 1993; Стаменова 1986]. В ряде населенных пунктов области София мартовская нить, называемая здесь *марта*, была украшена кистями-куколками, которые именовались мужским и женским именами, например Пенчо и Пена (сведения из села Драгалевци, ныне являющегося кварталом Софии) [Василева 1993]. Мартовские нити с подвешенными к ним шерстяными кистями, куколками и т. д. широко распространены в Болгарии и в настоящее время (рис. 6).

¹ Использование чеснока в качестве оберега (для защиты от диких зверей, от глаза и нечистой силы) было характерно и для восточнороманских народов, однако мы не располагаем сведениями о том, что они подвешивали чеснок к мартовским нитям.

Рис. 6. *Мартеница* для ношения на груди, украшенная изображением двух куколок. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-74

У болгар же распространены *мартеници*, украшенные бусинами, чаще всего голубыми или синими [Миков 1985: 46, 66] (рис. 7).

Рис. 7. *Мартеница* для ношения на груди, украшенная синей бусиной. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-97

Для мартовских нитей бессарабских болгар этот декоративный объект является одним из наиболее типичных [ПМА 1999 (информант Мария Н. Кирмикчи, с. Чийшия)]. Синяя (голубая) бусина, очевидно, является оберегом, заимствованным болгарскими турками. Ношение украшений из голубых бус — бирюзовых, а также стеклянных, деревянных и пр. «глазчатых» — является типичным для турок [Курылев 1970]. Ношение амулетов из синего стекла, украшенных изображением «глаза», распространено в Турции и в наши дни. Современные мартовские нити, бытующие в Болгарии, также нередко украшены синей бусиной с изображением «глаза». В этих амулетах-украшениях можно увидеть свидетельство амбивалентного восприятия синего (голубого) цвета. С одной стороны, синие «глазчатые» бусины возникли, очевидно, как обереги, функцией которых была защита того, кто их носит, «от дурного глаза», — им приписывалась способность отразить взгляд «дурных» (в первую очередь голубых, светлых) глаз. Нужно отметить, что отношение к голубым глазам как к «дурным» встречается не только у турок, но и у многих балканских народов, в том числе у румын, греков, части южных славян (см.: [Candrea 1944]), так как у подавляющего большинства представителей этих народов карие глаза. Таким образом, синий цвет бус становится цветом оберега, объекта, который защищает своего хозяина, то есть *предпочитаемым* цветом украшений, и т.д. В культуре восточнороманских народов восприятие синего цвета является амбивалентным (об отрицательных коннотациях обозначения синего цвета в румынском языке говорилось выше), хотя его роль в традиционной культуре, по-видимому, не является столь заметной, как в культуре тюркских народов, а также болгар и греков. Однако в некоторых районах Румынии встречаются, как уже говорилось, мартовские нити, изготовленные из белой и синей или красной и синей ниток [Ghinoiu 1997: 120; Fochi 1976: 198–202]. Для румын украшение мартовских нитей синими бусинами нехарактерно, однако женщины-влашки из Видинского округа на северо-западе Болгарии в наши дни изготавливают на продажу, среди прочих, и мартовские нити, украшенные синими или голубыми бусинами, «глазчатыми» или имитирующими бирюзу [ПМА 2005а (информант Наташа Бакырова-Найденова, г. Брегово)].

Синий (голубой) цвет нередко присутствует и в мартовских нитях греков, которые, как уже говорилось, могут быть изготовлены из белой и голубой (в северной Греции) или красной, белой и голубой (на островах южной Греции) ниток [Зайковский, Зайковская 2001: 152–181; Пономарченко 2001: 182–198].

3.3. Функциональные параметры мартовской нити

Согласно сведениям, собранным этнографами в 70–80-е годы XX в., у **румын** мартовские нити чаще всего носили дети, женщины, девушки и юноши¹ [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284]. Гораздо реже их носили взрослые мужчины (жудец Нямц — Молдова, жудец Сучава — Южная Буковина, жудец Харгита — Трансильвания) или старики (жудецы Ботошань, Васлуй, Бакэу — Молдова, жудец Арджеш — Мунтения) [Sărbători... 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284].

Изготавливали эти украшения-обереги матери для детей, женщины и девушки для себя, реже — дети для самих себя; встречаются также сведения, согласно которым девушки дарили мартовские нити своим возлюбленным (записаны, в частности, в жудеце Бакэу — Молдова, в жудеце Бузэу — Мунтения, в жудецах Клуж, Ковасна и Харгита — Трансильвания) [Fochi 1976: 198–202; Sărbători... 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; Голант, Плотникова 2012]. Отмечается также, что парни и девушки обменивались мартовскими нитями (например, в жудеце Бакэу — Молдова) [Sărbători... 2004. 4: 316–319]. По сведениям из г. Вагра Дорней (жудец Сучава, Южная Буковина), у проживающих там немцев еще в 70-е годы XX в. существовал обычай, согласно которому девочки 1 марта дарили мартовские нити мальчикам, а те прикалывали к одежде (на грудь) сразу все полученные в подарок украшения-обереги. В свою очередь мальчики дарили подарки девочкам на 8 марта [ПМА 2005б (информант Кристина Гинда, уроженка г. Вагра Дорней)]. Обычай дарения и ношения мартовской нити, разумеется, был заимствован румынскими немцами у румын.

В настоящее время в сельских регионах Румынии, как и в городах, дети изготавливают (главным образом на уроках труда) мартовские нити для своих матерей и бабушек, молодые люди дарят мартовские нити (покупные) девушкам, а мальчики — девочкам [Голант 2008; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009, информант Елена Пэпурикэ, ком. Пловрадзь]. Встречаются, впрочем, и свидетельства, что такие украшения-обереги могут дарить и девушки молодым людям, и женщины —

¹ Сведения из конкретных населенных пунктов могут значительно различаться — где-то эти обереги носили только дети (обою пола), где-то — только девушки и девочки и т.д. Устойчивые региональные тенденции не прослеживаются.

мужчинам [ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь)].

У румын основными являются следующие способы ношения мартовской нити: (а) повязав на запястье, (б) повесив на шею и (в) приколов на грудь, как брошь. Последний способ является самым поздним и в настоящее время самым распространенным [Голант 2008; Голант, Плотникова 2012] (см. рис. 8, 9). Молодые люди в прошлом могли носить мартовские нити, (г) прикрепляя их на шляпы [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь)].

У арумын мартовские нити носили женщины, девушки и дети (в том числе и новорожденные, которых тем самым пытались уберечь от сглаза). Такое украшение-оберег могли носить на руке, шее, ноге или талии [Țîrcomnicu 2004: 141–142; 2009: 60–61; Papahagi 1979: 323–328]. Встречаются сведения о том, что дети могли носить одновременно три мартовские нити — на шее, руке и ноге [Papahagi 1979: 323–328].

Рис. 8. Жительница Тимишоары с мартовской нитью, приколотой к одежде. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г.
Архив автора

Рис. 9. Девочка из Тимишоары с мартовской нитью, приколотой к одежде. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г.
Архив автора

У болгар мартовские нити носили в первую очередь дети, девушки и молодые женщины, несколько реже — пожилые женщины; встречаются также сведения, согласно которым мартовские нити носили юноши и взрослые мужчины [Миков 1985: 46, 53]. В некоторых местностях Болгарии (область Ловеч, большинство сел в северной части облпсти Пловдив и др.) уже в 70–80-е годы XX в. их носили только дети [Попов 1999; Стаменова 1986]. Тесная связь мартовской нити с этнографией детства у болгар проявляется и в обычае, согласно которому повитуха на Бабинден (8 января) повязывала мартовскую нить на руку ребенку, которому она помогала появиться на свет (Пловдивский край — села к югу от р. Марица, Белозем (община Раковски, область Пловдив), Рогош (община Марица, область Пловдив), Старосел (община Хисаря, область Пловдив)) [Стаменова 1986].

Мартеници для детей изготавливали чаще всего их матери или бабушки. Согласно сведениям из некоторых областей Болгарии, например из общины Асеновград (область Пловдив), девушки изготавливали *мартеници* для своих возлюбленных [Миков 1985: 46, 53]. Болгары носили мартовские нити, повязывая их (а) на запястье или (б) на палец (как правило, на левую руку), (в) на локтевой сгиб (в этом случае мартовская нить была скрыта рубашой), (г) на палец ноги, (д) вокруг талии, (е) прикрепляя на груди или (ж) вплетая в волосы. На шее и запястье мартовские нити носили женщины, девушки и дети, на груди — женщины и девушки, в волосах — девочки, девушки, изредка пожилые женщины, на талии — мужчины и юноши, на пальцах рук и ног — дети [Миков 1985: 53, 56; Попов 1999; Дражева 1980; Василева 1993; Стаменова 1986]. Девушки из области Монтана¹ (северо-западная Болгария) носили *мартеници* на левой стороне груди, а замужние женщины из этого региона — на правой [Миков 1985: 53, 56]. Дети и девушки в ряде случаев надевали более одной мартовской нити. Например, в области Пловдив зафиксирован обычай, согласно которому дети носили мартовские нити на шее и обеих руках — «для кукушки», «для аиста» и «для ласточки» — и, очевидно, снимали их при появлении соответствующих птиц (сведения из с. Белозем общины Хисаря) [Стаменова 1986]. Девушки в некоторых селах области Хасково в южной Болгарии носили одну мартовскую нить на шее, а другую — в косах (первую снимали, увидев ласточку, вторую — увидев змею) [Миков 1985: 53, 56].

¹ До 1993 г. — Михайловград.

У болгар также известен обычай украшать 1 марта мартовскими нитями фруктовые деревья, различные орудия труда — прялки, веретена, ткацкие станки, маслобойки, упряжь, а также дверные ручки [Там же; Попов 1999; Дражева 1980]. Этот обычай нередко объяснялся необходимостью «встретить Бабу Марту мартеницами» [Йорданова 1996: 92].

В южных районах Болгарии, где дети 1 марта обходили дома соседей с изображениями ласточек (данный обычай, вероятно, был заимствован болгарами у греков), бело-красными шнурами украшали клетки, в которых находились «ласточки» [Миков 1985: 66].

У **македонцев** мартовские нити носили главным образом дети и молодежь [Кашуба 1977; Миладинови 1981: 522]. Носить их могли на руках, на ногах, на шее и на поясе [Китевски 1996б]. В Струге (северо-западная Македония) уже в середине XIX в. *мартинки* носили только дети (на шее, руках и ногах) — «для здоровья» [Миладинови 1981: 522]. У *мияков* в с. Галичник (область Дебар, западная Македония) женщины изготавливали накануне 1 марта мартовские нити по числу членов семьи мужского пола, однако носили их только мальчики. Таким образом, ребенок обычно надевал на шею не только свою мартовскую нить (*мльак*), но и *мльак* своего отца, старшего брата и др. [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

У **македонских турок** мартовские нити также носили дети, повесив их на шею. [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134].

Греки могли повязывать мартовскую нить на запястье, шею, палец руки или большой палец ноги [Анфертьев 1979в: 133–139; Иванова 1977б; Зайковская, Зайковский 2001; Пономарченко 2001]. Уже в 70-е годы XX в. в Греции мартовские нити носили главным образом дети [Иванова 1977б].

У греков известен обычай украшать мартовскими нитями окна и двери домов, чтобы в дом не вошел плохой человек и не навел порчу (обычай зафиксирован в округе Козани в греческой Македонии) [Зайковская, Зайковский 2001].

Кроме того, греки, как и болгары, украшали красно-белыми шнурами клетки «ласточек», с которыми дети ходили 1 марта по домам соседей, исполняя песни, посвященные возвращению ласточек и приходу весны [Анфертьев 1979в: 133–139].

У **албанцев** мартовские нити тоже носили в основном дети и молодежь, повязав их (а) на запястье или (б) шею [Иванова 1977а; Юллы, Соболев 2003: 420–421]. У албанцев Приазовья мартовские нити носили

на запястьях обеих рук. Носили их люди обоего пола и всех возрастов. Обычай ношения мартовских нитей сохранялся у приазовских албанцев до 80-х годов XX в., в отдельных семьях он существует до сих пор (сведения из с. Георгиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а; 2010б: 106].

У гагаузов мартовскую нить (*marta*), повязанную (а) на шею или (б) запястье, также носили преимущественно дети [Сорочяну 2006: 162–163].

Целью ношения мартовских нитей было избавление от болезней и бед, сохранение красоты и здоровья, привлечение удачи.

3.3.1. Период ношения мартовской нити

В большинстве случаев датой начала ношения мартовской нити является 1 марта [Fochi 1976: 198–202; Ghinoiu 1997: 120; Попович 1977: 287–295]. Однако, например, у арумын и македонцев в отдельных местностях встречается обычай надевать мартовские нити накануне 1 марта, то есть 28 или 29 февраля [Ghinoiu 1997: 120; Nenițescu 1895: 525; Țîrcomnicu 2004: 141–142; Огнянович-Лоноски 2004: 148–149].

В некоторых районах румыны надевали эти обереги в первое новолуние марта (такие сведения зафиксированы, в частности, в некоторых населенных пунктах румынской Молдовы — с. Торчешть в жудеце Галац, с. Периень Боджешть в жудеце Васлуй) [Fochi 1976: 198–202; Ghinoiu 1988: 202; 1997: 120]. В Телеормане еще в середине XX в. встречался обычай надевать мартовскую нить накануне Великого поста (перед этим ее протягивали через брынзу и говорили: “*Oușor, oușor, să fie postul ușor*” («Яичко, яичко, пусть пост будет легким»)) (с. Фуркулешть, жудец Телеорман, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. У жителей округа Горж в Олтении также зафиксирован обычай надевать мартовскую нить на Масленичной неделе (*Săptămâna Brânzei*), причем перед этим ее тоже протягивали через брынзу, однако с другой мотивацией — чтобы девушки были белыми, как брынза, то есть с целью сохранения или приобретения красоты (с. Братуя коммуны Дэнешть, жудец Горж, Олтения) [Sărbători... 2001. 1: 266–268].

В прошлом румыны могли носить мартовские нити определенное количество дней. Чаще всего встречаются свидетельства, согласно которым *mărțișor* носили в течение всего марта (такой срок отмечен, в частности, в Олтении — жудецы Долж, Горж, Мехединць, Вылча, Олт; в Мунтении — жудец Буззу; в Молдове — жудецы Яссы, Васлуй,

Вранча, Бакэу, в Южной Буковине — жудецы Ботошань, Сучава) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2004. 4: 316–319; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь, Мария Бэдулеску, ком. Байя-де-Фьер); Голант, Плотникова 2012: 361–423]. Изредка встречаются сведения, что его могли носить два-три дня (Молдова — жудецы Яссы, Бакэу), неделю (Олтения — жудецы Горж, Мехединць; Молдова — жудец Бакэу), две-три недели (Олтения — жудецы Долж, Олт), два-три месяца (Олтения — жудец Вылча) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2004. 4: 316–319]. В ряде местностей *мэрцишор* носили до того момента, когда распустятся почки у какого-либо дерева или кустарника: шиповника (Олтения — жудецы Долж, Вылча; Мунтения — жудец Буззу), розы (Олтения — жудец Долж, Мунтения — жудец Прахова, Молдова — жудец Нямц), какого-либо колючего кустарника — терновника, боярышника, шиповника и др. (Мунтения — жудец Арджеш, Банат — жудец Караш-Северин), вишни или черешни (Молдова — жудецы Галац, Нямц; Банат — жудец Караш-Северин), абрикоса (Молдова — жудец Васлуй), персика (Олтения — жудец Горж), яблони (Южная Буковина — жудец Ботошань), кизила (Молдова — жудец Бакэу), первого распустившегося плодового дерева (Молдова — жудецы Яссы, Васлуй; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; Голант 2008; Голант, Плотникова 2012; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информанты Ион Попеску, Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь)]. В некоторых местностях *мэрцишор* носили до возвращения аистов (в частности, в нескольких населенных пунктах Северной Добруджи (жудец Тулча), на территории нынешней Республики Молдова, и у влахов в болгарской части долины реки Тимок) [Sărbători... 2009. 5: 283–284; Попович 1977: 287–295; ПМА 2005a]. В округе Арджеш (Мунтения) был зафиксирован обычай носить мартовскую нить до появления первых перелетных птиц (с. Извору) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Нередко мартовскую нить носили до какого-либо праздника — до дня Сорока мучеников — 9 марта (Молдова — жудецы Бакэу, Вранча; Мунтения — некоторые села жудеца Буззу)¹ [Sărbători... 2004. 4: 316–319;

¹ В этом случае период ношения мартовской нити совпадает с днями, которые «посвящены» мартовской старухе и обозначаются хрононимами *babele* — «старухи» или *zilele babelor* — «дни старух». Как мы убедились выше, такой период ношения мартовской нити — первые девять дней марта — не является ни единственно возможным, ни даже наиболее распространенным,

Голант, Плотникова 2012; Плотникова 2009], до праздника *Florii* — Вербного воскресенья (Мунтения — жудец Брэила; Молдова — жудецы Яссы, Вранча; Южная Буковина — жудец Ботошань), до дня св. Иеримии — 1 мая (Молдова — жудецы Бакэу, Яссы, Нямц, Васлуй, Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава) [Sărbători... 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; ПМА 2012б].

Различные варианты могут «наслаиваться» друг на друга. Например, жители некоторых населенных пунктов округа Горж (Олтения) носили мартовскую нить весь месяц и снимали ее, когда распускались персиковые деревья [Sărbători... 2001. 1: 266–268; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половраджь)]. У влахов, обитающих в болгарской части долины Тимока, встречался обычай носить мартовскую нить до того дня, когда впервые замечали какую-либо перелетную птицу (чаще — аиста), по словам информантов, прилет аистов обычно приходится на день Сорока мучеников, который здесь отмечают 22 марта по юлианскому календарю [ПМА 2005а (информант Верка Бакырова, уроженка с. Косово, община Брегово)]. В жудеце Бузэу (Мунтения), по сообщению информанта, в течение первых девяти дней месяца, то есть до дня Сорока мучеников, мартовскую нить носили на шее, а затем ее повязывали на запястье и так носили до начала цветения шиповника [Плотникова 2009; Голант, Плотникова 2012].

У влахов, проживающих в Болгарии, наиболее распространенным было ношение мартовской нити с 1 марта до прилета аистов, о чем уже говорилось выше, — такие сроки ношения мартовской нити известны во всех «влашских» населенных пунктах на территории областей Видин, Враца и Плевен. Наряду с этим довольно часто мартовскую нить носили с первого до последнего дня марта — г. Брегово, с. Балей (община Бре-

однако в научно-популярной литературе он может быть указан как общепринятый (см., например: [Evseev 2001: 113]). Некоторые румынские исследователи делают попытки связать обычай ношения мартовской нити с представлениями румын о мартовской старухе. См., например, рассуждения И. Гиноу, который на основании содержащихся в некоторых румынских вариантах легенды о мартовской старухе упоминаний о том, что старуха (Баба Докия) отправляется в горы, взяв с собой прялку, делает вывод, что она «прядет мартовскую нить» или даже «прядет нить года в начале весны, подобно тому, как *ursitoarele* (мифологические персонажи, предсказывающие и определяющие судьбу новорожденно-го. — Н.Г.) прядут нить человеческой жизни» [Ghinoiu 2001: 11–12; 2005: 58].

Примечательно, что именно эти сроки ношения мартовской нити получили распространение в современной румынской городской культуре.

гово), с. Флорентин (община Ново Село), с. Покрайна (община Видин), с. Градсковски Колиби (община Бойница) в области Видин; с. Черковица, Милковица и Драгаш Войвода в области Плевен [Atlasul... 2011. 1: 100–101; 2011. 2: 102–103].

Жительницы некоторых областей Румынии, в частности Мунтения и Молдовы, сопровождали «ритуальное расставание» с мартовской нитью ее «пропиванием» (*băutul mărtișorului*) [Sărbători... 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; Ispirescu 1875: 29–30; Olteanu 2001: 131]. Иногда слово «пропивание» имело буквальный смысл — на монеты, снятые с оберегов, покупали спиртное и устраивали вечеринку [Ispirescu 1875: 29–30; Olteanu 2001: 131]. Изредка встречаются сведения, что в «пропивании» мартовской нити участвовала молодежь обоего пола (с. Путинею, жудец Джурджу, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Этот обычай также мог включать действия, направленные на сохранение или приобретение красоты. Так, согласно сведениям, зафиксированным в окрестностях Бухареста, здесь на монеты, снятые с мартовских нитей, покупали красное вино и пресный сыр, «чтобы быть белыми, как сыр, и румяными, как вино». Саму мартовскую нить при этом вешали на розовый куст [Ispirescu 1875: 29–30; Olteanu 2001: 131].

Весьма сходный усложненный ритуал расставания с мартовской нитью бытовал еще в 70-е годы XX в. у македонских турок: когда дети в первый раз видели аиста, они разрывали мартовскую нить, старинные монеты, которыми та была украшена, брали себе, а шнурок оставляли на розовом кусте. Затем они шли домой и отдавали монеты матери, а та в ответ давала им современные монеты, на которые дети покупали кислое молоко. Кислое молоко ели, «чтобы быть белыми, как молоко» [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134].

Что касается самого «ритуального расставания» с мартовской нитью, можно выделить следующие типы действий: (1) ее могли вывешивать на дерево (кустарник) или подбрасывать в воздух (по мнению А.А. Плотниковой, эти действия связаны с ритуальным «одариванием» мартовской нитью первой прилетевшей птицы); (2) могли оставлять под камнем и затем гадать по ней о приплоде скота или же (3) бросать в текущую воду [Плотникова 2004б: 131; Йорданова 1972; Юллы, Соболев 2003: 420–421; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информанты Ион Попеску, Елена Пэпурикэ, ком. Половраджь)].

У румын и молдаван, судя по имеющимся у нас данным, наиболее популярен был первый «способ ритуального расставания» с мартовским оберегом. Так, согласно сведениям, приводимым румынскими этногра-

фами, в прошлом был широко распространен обычай, срывая *мэришиор*, вешать его на ветку какого-либо плодового дерева — персика (Олтения — жудецы Горж, Вылча), абрикоса (Молдова — жудецы Яссы, Васлуй, Галац, Бакэу; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава; Мунтения — жудец Арджеш), вишни (Олтения — жудец Горж; Молдова — жудец Галац; Южная Буковина — жудец Ботошань), черешни (Банат — жудец Караш-Северин; Молдова — жудецы Яссы, Васлуй, Галац, Нямц; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава), мирабели (Олтения — жудец Горж), сливы (Молдова — жудец Яссы; Мунтения — жудецы Арджеш, Телеорман), яблони (Молдова — жудецы Яссы, Галац, Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава; Мунтения — жудецы Арджеш, Телеорман), груши (Южная Буковина — жудец Ботошань), айвы (Мунтения — жудец Джурджу), виноградной лозы (Олтения — жудец Долж), первого распустившегося плодового дерева (Олтения — жудец Горж; румынская Молдова — жудецы Яссы, Васлуй; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава), любого плодового дерева (Банат — жудец Тимиш; Трансильвания — жудецы Муреш, Ковасна, Хунедоара; Южная Буковина — жудец Ботошань; Молдова — жудецы Васлуй, Галац, Бакэу; Мунтения — жудец Телеорман; Северная Добруджа — жудец Тулча), любого дерева (Банат — жудец Караш-Северин; Трансильвания — жудецы Харгита, Сибиу; Молдова — жудец Яссы; Южная Буковина — жудец Ботошань), розового куста (Олтения — жудецы Долж, Горж, Мехединць, Олт; Молдова — жудецы Нямц, Бакэу, Вранча; Южная Буковина — жудецы Ботошань, Сучава; Мунтения — жудецы Джурджу, Арджеш, Яломица, Телеорман, Бузэу; Северная Добруджа — жудец Тулча), шиповника (Олтения — жудецы Горж, Вылча; Молдова — жудецы Вранча, Бакэу; Мунтения — жудецы Арджеш, Бузэу, Прахова), кизила (Молдова — жудец Бакэу) либо какого-нибудь колючего кустарника (*spin, mărăcină*) (Банат — жудец Караш-Северин; Олтения — жудецы Горж, Вылча; Мунтения — жудецы Арджеш, Дымбовица, Прахова, Бузэу; Молдова — жудецы Вранча, Бакэу) [Sărbători... 2001. 1: 266–268; 2002. 2: 217–218; 2003. 3: 280–281; 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 283–284; Голант, Плотникова 2012: 361–423; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Ион Попеску, ком. Половраджь)]. В ряде случаев, как было отмечено выше, это ритуальное расставание с оберегом происходило именно тогда, когда распускалось то или иное дерево или кустарник.

У **арумын** было принято повязывать мартовские нити, о чем уже упоминалось, в первый день марта или в последний день февраля, носи-

ли же их в течение всего месяца либо до дня Сорока мучеников [Țîrcomnicu 2004: 141–142; 2009: 60–61; Nenițescu 1895: 525]. По некоторым сведениям, в тех местностях, где ношение мартовской нити продолжалось до 9 марта, в этот день ожидали прилета ласточек и аистов [Părăhagi 1979: 323–328]. У арумын также встречался обычай вешать снятую мартовскую нить на ветку дерева (грецкого ореха) [Там же].

У болгар *мартеници* обычно изготавливались накануне 1 марта, то есть вечером 28 или 29 февраля, или 1 марта рано утром [Миков 1985: 46, 53; Дражева 1980: 422–456]. В некоторых селах области София, например в с. Злокучене, пожилые женщины пряли нити, скручивали из них *мартеници* и повязывали их детям рано утром, до того как они проснутся [Йорданова 1996: 69].

У болгар встречаются, в частности, такие сроки ношения мартовской нити, как три дня, девять (до дня Сорока мучеников) или двадцать пять дней (до Благовещения) [Миков 1985: 56, 60; Плотникова 2004б: 131]. Так, в течение девяти дней мартовские нити носили в отдельных населенных пунктах области Пловдив, например в г. Съединение [Стаменова 1986]. В некоторых местностях Болгарии их могли носить один день, сорок дней, в течение всего марта или до начала жатвы [Миков 1985: 56, 60; Дражева 1980]. Ношение мартовской нити с 1 марта до начала жатвы практикуется, например, в Пиринском крае. Так, в с. Зарово девушки повязывали свои *марты* на первый сноп [Дражева 1980]. В ряде сел (например, в области Пловдив) мартовские нити носили до тех пор, пока они не порвутся (с. Старосел (община Хисаря), Слатина (община Карлово), Ситово (община Родопи) [Стаменова 1986]. В той же области Пловдив зафиксирован обычай носить мартовскую нить до новолуния (с. Васил Левски, община Карлово) [Там же].

Широко распространен у болгар обычай снимать мартовскую нить в день начала цветения какого-либо плодового дерева или колючего кустарника (розы, шиповника, терна), или когда впервые в течение весны появится какая-нибудь перелетная птица (ласточка, аист или цапля) или змея, или когда впервые раздастся зов кукушки [Миков 1985: 56, 60; Василева 1985; 1993; Попов 1999]. В области Русе дети, которые носили, как правило, две *мартеници* — по одной на правой и левой руках, впервые увидев цаплю, бросали одну из них «навстречу солнцу», а другую вешали на ветку первого замеченного ими цветущего плодового дерева [Миков 1985: 56, 60].

Капанци на северо-востоке Болгарии носили *мартички* до прилета первого аиста (*чапла*, *чепла*), а затем вешали на цветущее фруктовое

дерево [Василева 1985]. В большинстве сел области Ловеч было принято носить *мартеници* до прилета ласточек, а затем вешать их на розовый куст или какое-либо молодое деревце [Попов 1999]. В селах Пиринского края мартовскую нить, как правило, носили до прилета ласточек или аистов, а затем помещали под камень для последующего гадания о приплоде скота [Дражева 1980]. В области Пловдив встречался обычай, согласно которому дети носили одну мартовскую нить на шее — *за кукувицата* (для кукушки), другую на правой руке — *за щеркела* (для аиста), а третью на левой руке — *за лястовицата* (для ласточки) и, очевидно, снимали соответствующую нить, впервые увидев ту или иную птицу (сведения из с. Белозем, община Раковски) [Стаменова 1986]. В селах области Пловдив мартовские нити чаще всего носили до прилета первого аиста или ласточки, а затем, как уже говорилось, помещали под камень для последующего гадания. В некоторых селах области, впрочем, прилет аистов или ласточек обозначал момент, когда нужно было вынуть мартовскую нить из-под камня [Там же]. В большинстве сел области София мартовские нити носили до появления первого аиста, а затем либо бросали, либо повязывали их на дерево, либо помещали под камень для последующего гадания [Василева 1993].

У македонцев в одних местностях мартинки надевали детям вечером накануне 1 (14) марта, в других — рано утром, до восхода солнца и до того, как дети проснутся [Китевски 1996б]. Чаще всего македонцы носили мартовские нити до прилета ласточек или аистов [Кашуба 1977; Плотникова 2004б: 131; Китевски 1996б]. Жители Струги повязывали детям *мартинки* для того, чтобы те встретили с ними ласточек [Миладинови 1981: 522]. В Западной Македонии считалось, что мартовскую нить нужно носить, чтобы первое пение весенней птицы не принесло человеку несчастья, болезни или смерти [Петреска 1998: 146–147; Плотникова 2004б: 131]. *Мияки* в с. Галичник (область Дебар) *мльак* носили с вечера 28 (29) февраля или с утра 1 марта (*Летник*) до 23 апреля, то есть до Георгиева дня (*Гурѓевден*) [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149].

Греки носили мартовские нити чаще всего с 1 марта до Пасхи или Благовещения (25 марта) [Иванова 1977б]. Встречаются также сведения, что у греков было принято снимать мартовскую нить с прилетом первой ласточки [Анфертьев 1979б: 130]. Нужно отметить, что прилет ласточек в одних районах Греции маркировал начало, а в других — окончание периода ношения мартовских нитей. Прилет ласточек и, соответственно, праздник их встречи, во время которого дети совершали обход соседских домов с изображениями ласточек, помещенными

в клетки, украшенные красно-белыми шнурами, в одних местностях приходился на 1, в других — на 25 марта [Анфертьев 1979в: 133–139].

У **турок**, живущих в окрестностях Охрида, как уже говорилось, было принято надевать мартовскую нить на шею ребенка накануне 1 марта (другую, как говорилось выше, вешали на розовый куст), затем, утром 1 марта, нити с шеи ребенка и розового куста меняли местами, после чего мартовскую нить носили на шее до момента первой встречи с аистом [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134].

У **сербов** на берегах Моравы и в Призрене встречались следующие действия с белой и красной нитями, правда, приуроченные не к началу марта, а к кануну дня св. Георгия: на белую и красную нитки нанизывали старинную монету и на ночь прикрепляли к розовому кусту (вместе с корнем травы *дебелица* и веткой вербы?). Затем нитки с монетами повязывали себе на шею и носили до тех пор, пока не созреет черешня, чтобы потом на эти деньги впервые за год купить себе ягод черешни [Ястребов 1889: 153–154].

По сведениям, записанным у **албанцев** в с. Мухурр (район Пешкопия, крайна Дибра), мартовскую нить (*smilirësh*) носят только в течение Дня весны (1 или 14 марта), а затем чаще всего бросают в проточную воду. Впрочем, по словам некоторых жителей этого села, мартовскую нить нужно хранить до дня св. Георгия (*Shëngjergj*) и лишь затем бросить в воду или повесить на ветку дерева [Юллы, Соболев 2003: 420–421]. У албанцев Приазовья мартовскую нить было принято носить с 14 марта (то есть с начала марта по старому стилю) до прилета ласточек, а затем вешать на дерево. Встречаются также данные, согласно которым мартовскую нить носили до Благовещения (запись из с. Георгиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а; 2010б: 106].

У **гагаузов** мартовские нити носили, как правило, с 1 до 9 марта, то есть до дня Сорока мучеников (*K irk meçik, Kirk ayoz, Kirk kaşık*) [Сорочяну 2006: 162–163].

3.3.2. Мотивация обращения к мартовской нити

Судя по записям второй половины XIX — начала XX в., ношение рассматриваемых украшений-оберегов в прошлом у **румын** чаще всего мотивировалось сохранением красоты, “*de a nu fi pârlîți de soare*” («чтобы не быть обожженными солнцем»), остальные мотивы выступают скорее как дополнительные [Fochi 1976: 198–202]. При этом символом красоты и здоровья являлась зачастую не только и не столько сама мартовская

нить, сколько нанизанная на нее серебряная монета, которая нередко воспринималась как неотъемлемая часть мартовского украшения-оберега [Ibid.; Попович 1977: 287–295]. Также на мартовскую нить могли вешать крестик или маленькую иконку — эти объекты тоже воспринимались как обереги [Голант 2008: 271–322]. По некоторым сведениям, роль мартовской нити у румын могло выполнять ожерелье, которое надевали на шею девушкам, чтобы их не обожгло солнцем [Olteanu 2001: 127–133].

Встречающиеся упоминания о магических действиях с мартовской нитью чаще всего направлены на сохранение или приобретение красоты. Так, у румын зафиксирован обычай 1 марта до восхода солнца, перед тем как надеть мартовскую нить (*мэрцишор*), вешать ее на розовый куст, чтобы лицо было румяным, как роза [Gorovei 1995: 5; Olteanu 2001: 128–133].

Похожий обычай обнаруживается в западной Болгарии. В последний день февраля девушки изготавливают мартовскую нить из красной и белой шерсти, повязывают ее на ветку красной розы и оставляют на ночь. Утром они снимают свои нити с розового куста и повязывают их на шею: «*да не фаца сьнце, летоска лицето им да не прегори*» («чтобы их не схватило солнце, чтобы летом их лица не обгорели») [Миков 1985: 52].

У турок из окрестностей Охрида было принято накануне 1 марта вешать на шею ребенку бело-желтую, а на розовый куст — бело-красную нить, затем, утром 1 марта, меняли их местами, о чем упоминалось в параграфе 3.3.1 [Салих 1973: 229–232; Анфертьев 1979б: 134].

Арумыны повязывали мартовские нити новорожденным младенцам, чтобы уберечь их от сглаза; пожилые женщины носили этот оберег на руке, чтобы в маслобойках удавалось масло; также считалось, что тот, кто носит мартовскую нить на ноге, не будет спотыкаться [Tîrcomnicu 2004: 141–142]. Встречаются сведения, согласно которым дети могли одновременно носить три мартовские нити: одну — на шее, для того чтобы не почернеть от солнца, другую — на руке, чтобы уберечься от змей, третью — на ноге, чтобы не спотыкаться в темноте [Parahagi 1979: 323–328].

Мотивация обычая ношения мартовских нитей стремлением уберечься от «опасного» мартовского солнца известна также болгарам и македонцам. У греков, болгар и македонцев существовало представление, что Баба Марта (мартовская старуха) может обжечь горячим солнцем лица детей и девушек. Чтобы этого не случилось, нужно было носить мартовскую нить [Плотникова 2004б: 128]. Так, у **болгар**-капанцев в северо-восточной Болгарии красно-белые мартовские нити повязывают детям, реже их носят девушки и женщины, «чтобы их не сделала черными Баба Марта», в селах Странджи (Долно Ябълково и Горно

Ябълково) мартовские нити предназначаются для детей, «чтобы у них не почернели лица при встрече с Бабой Мартой» [Василева 1985; Странджа 1996: 329]. В области Ловеч обычай, согласно которому женщины 1 марта, «*щом влезе Марта*» («как только войдет Марта»), или на «*Чер ден Мъртин*», выносят во двор красный пояс или платок, объясняют фразой: «*За да не ги почерни Баба Марта*» («Чтобы их не сделала черными Баба Марта») [Попов 1999].

У болгар Добруджи встречается также представление, что ношение мартовской нити в соответствующие дни марта должно уберечь человека от укусов змей и насекомых в течение целого года [Василева 1974]. В южной части области Пловдив дети, девушки, молодые и пожилые женщины носили *мартеници* на шее, для того чтобы уберечься от укусов блох, и на пальцах, для того чтобы не ушибить их [Стаменова 1986]. Пожилые женщины в некоторых селах области Пловдив вплетали *мартеници* в косы (села Дълбок Извор (община Първомай), Ситово (община Родопи)) или носили их на запястье (с. Драгойново общины Първомай), для того чтобы уследить за вылупившимися цыплятами [Стаменова 1986].

У македонцев встречается обычай повязывать детям *мартинки* со словами «*Гад в гора, (имярек) в поле*», чтобы уберечь их от змей. С этой же целью мартовские нити изготавливали, зажмурившись, «*за да бидет како слепи змиите и да не и виждет луѓето, ко ќе минет покрај ними*» («чтобы были змеи как слепые и не видели людей, что пройдут мимо них») (Охрид) [Китевски 1996б].

У греков зафиксировано представление, согласно которому мартовское солнце является особенно жгучим и опасным. В западной части греческой Македонии встречается такое название месяца марта, как *ου Παλουκοκαύτης* (*pal'ukoka ftiis*) — «сжигатель палок, жердей загонов для животных». Здесь считается, что в марте особенно жгучее солнце, что этот месяц грозит солнечными ударами и пожарами¹.

В округе Козани, в западной части греческой Македонии, для того чтобы март прошел благополучно, принято было вечером накануне 1 марта набирать воду из родника («чтобы месяц март прошел так же хорошо, как проходит/течет вода»). Затем шли домой и ссучивали две шерстяные нитки — белую и красную (или голубую). На рассвете этот двухцветный шнурок повязывали на руку и шею — «чтобы ее не поймал

¹ В статье О.В. Чёха [Чёха 2009: 53–61] приводится интерпретация этого названия марта как эпитета *холодного* месяца, когда приходится сжигать в печи жерди от изгородей, так как дрова уже закончились.

март» или «чтобы не ударил март» и чтобы весь месяц прошел хорошо (сведения из с. Эратира округа Козани) [Зайковская, Зайковский 2001]. Мартовское солнце упоминается в ритуальном диалоге, который на о. Карпатос принято произносить в момент повязывания младенцу *мартовской тесьмы* (μερτογάτανο): «Что ты ему повязываешь? — (повязывающий отвечает) — Полноту и доброту, красоту и румянец, и *мартовское солнце*» [Чёха 2009: 53–61].

* * *

Обычай вешать снятую мартовскую нить на цветущее дерево или кустарник в румынской традиции чаще всего объясняется стремлением наделить человека красотой цветка: «Вешали (мартовскую нить) на шиповник, чтобы лицо девушки осталось белым, необожженным солнцем» (“*Se punea pe un trandafir sălbatic, ca să-i rămână feței fața albă, nearsă de soare*”) (с. Корбаска, жудец Бакэу, Молдова); «Вешали (мартовскую нить) на цветущее плодое дерево — яблоню, сливу, чтобы тот, кто ее носил, был белым и розовым, как цветок этого дерева» (“*Se agăța într-un pom înflorit: măr, prun, ca cel ce l-a purtat să fie alb și roz ca floarea pomului*”) (с. Тэтэрушь, жудец Яссы, Молдова); «Его (мэрцишор) вешали на розовый куст, чтобы быть красивыми и красными (румяными), как роза» (“*Îl agățau pe un trandafir să fie frumoase și roșii ca trandafirul*”) (с. Цибукань, жудец Нямц, Молдова); «Вешали на распутившееся абрикосовое дерево, чтобы на лице не было пятен» (“*Se punea în zarzăr înflorit, să n-aibă fața pătată*”) (с. Дымбовичоара, жудец Арджеш, Мунтения); «Мэрцишор вешали на розовый куст, чтобы быть красивыми, как он» (“*Mărțișorul se punea pe un trandafir, să fie frumoase ca el*”) (с. Силиштя, жудец Констанца, Северная Добруджа; с. Тею, жудец Арджеш, с. Корбу Векь коммуны Мэксинень, жудец Брэила, Мунтения); «Шнур вешали на розовый куст, чтобы девушка была красной и красивой» (“*Șnurul se punea pe un trandafir, ca fata să fie roșie și frumoasă*”) (с. Оаржа, жудец Арджеш, Мунтения); «Вешали на розовый куст, чтобы иметь красные щеки» (“*Se punea pe trandafir ca să aibă obrații roșii*”) (с. Погоанеле, жудец Бузэу, Мунтения); «Вешали на розовый куст, чтобы быть целый год красной, как роза» (“*Se punea pe un trandafir ca să fie tot anul roșie ca trandafirul*”) (с. Чокэнешть, жудец Дымбовица, Мунтения); «Вешали на розовый куст, чтобы быть веселыми, чтобы девушка расцвела, как цветок» (“*Se punea pe un trandafir să fie vesele, să înflorească fata, precum floarea*”) (с. Валя Мэкришулуй, жудец Яломица, Мунтения); «Чтобы девушка расцвела, как шиповник, чтобы ее не обжигало солн-

це» (“*Să înflorească fata ca măceșul, să n-o pârlască soarele*”) (с. Пукений Мошнень коммуны Пукений Марь, жудец Прахова, Мунтения) [Sărbători... 2004. 4: 316–319; 2009. 5: 383–384].

Та же мотивация действий с мартовской нитью отражена и в речевых формулах, которыми в некоторых местностях сопровождалось ее перемещение на ветку дерева или кустарника. Так, в с. Кэрбунарь в Банате (жудец Караш-Северин) мартовскую нить вешали на ветку черешни со словами: «Я даю тебе нить, чтобы ты дала мне белизну» (“*Îți dau ața, să-mi dai albeață*”); в с. Мехадика (жудец Караш-Северин, Банат) сходный текст произносили, помещая оберег на ветку некоего колючего кустарника (вероятно, шиповника — *spin*): «Я даю тебе *мэрцишор*, чтобы ты дал мне красноту (румянец) и белизну» (“*Eu îți dau mărtișorul, tu să-mi dai roșeața și albeața*”) [Sărbători... 2002. 2: 217–218]. (Ср. аналогичное объяснение подобного обычая у македонцев — см. ниже.)

Несколько реже встречается объяснение рассматриваемого обычая стремлением сохранить или приобрести здоровье: «Вешали (мартовскую нить) на красную розу на Вербное воскресенье (*Florii*), чтобы быть красными все лето, чтобы иметь здоровье» (с. Мовила Миресий, жудец Брэила, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 383–384].

Иногда тот же способ расставания с мартовской нитью объясняют стремлением сохранить плодородие дерева: *мэрцишор* «повязывали на айву, чтобы были плоды» (с. Веда, жудец Джурджу, Мунтения); «вешали на плодовое дерево, чтобы дерево держало плоды» (села Моштень, Плоска, Смырдиоаса, Сухая, Выртоапе, жудец Телеорман, Мунтения); «бросали на плодовое дерево, чтобы оно приносило плоды» (с. Хыртиешть, жудец Арджеш) [Ibid.].

В некоторых местностях Румынии, в частности в жудеце Бузэу (Мунтения), до сих пор сохраняется обычай вешать снятую мартовскую нить на ветку шиповника (*măceș*) или любого колючего кустарника (*mățăcină*) [Голант, Плотникова 2012]. Возможно, появление обычая вешать мартовскую нить на ветку колючего кустарника связано с представлением о том, что он способен отгонять злых духов (так, у румын, в частности, в Мунтении встречается обычай помещать ветки колючего кустарника на двери хлева в ночь на св. Георгия (23 апреля), чтобы убереечь коров от ворожей, которые могли «забрать» у них молоко) [Там же].

В ряде случаев на основании состояния дерева или кустарника, после того как на него повесили *мэрцишор*, делали выводы о будущем, например: «Его вешали на колючий кустарник, и если он расцветал, это был знак, что девушке будет сопутствовать удача» (с. Жосень коммуны

Берка, жудец Бузэу), «Если (розовый куст, на который повесили мартовскую нить) засыхал, кто-нибудь умирал» (с. Погоанеле, жудец Бузэу, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Представление о том, что судьба дерева или кустарника, на который повесили мартовскую нить, связана с судьбой того, кто носил эту нить, встречается и на территории Республики Молдова. Так, по словам информантки из г. Бельцы (еврейки), однажды она повесила на ветку дерева *мэрцишор*, полученный в подарок от парня-молдаванина, с которым в то время встречалась. Той же весной они расстались, а дерево засохло. (Расставание информант считает причиной, а гибель дерева — следствием [ПИМА 2011б (информант Лиза (Лея) Русу, г. Бельцы)].)

Встречаются сведения, из которых можно сделать вывод, что помещение мартовской нити на ветку дерева действительно может быть связано с «одариванием» ею прилетевшей птицы, чаще всего аиста: *мэрцишор* могли «носить сорок дней и вешали на плодовое дерево или забрасывали на дом, чтобы его взял аист» (с. Остров, жудец Констанца, Северная Добруджа); «Носили, пока не увидят аистов. Вешали на ветку дерева или розовый куст, чтобы прилетел аист его забрать. (Считалось), что это хорошо» (с. Пештера, жудец Констанца, Северная Добруджа); «Носили, пока не увидят первого аиста. Бросали его на яблоню или айву, чтобы его взял аист» (с. Топалу, жудец Констанца, Северная Добруджа); «Бросали на розовый куст, чтобы его взял аист» (с. Рушецу, жудец Бузэу, Мунтения); «Вешали на акацию и говорили, что его возьмет аист» (с. Валя Чорий, жудец Яломица, Мунтения) [Sărbători... 2009. 5: 283–284].

Иногда «одаривали» и других птиц. Так, в с. Голэешть жудеца Яссы в румынской Молдове была зафиксирована информация, согласно которой мартовскую нить носили в течение месяца, а затем «оставляли на ветке дерева, чтобы прилетела кукушка ее взять» [Sărbători... 2004. 4: 316–319]. В с. Истрия жудеца Констанца (Северная Добруджа), *мэрцишор* «бросали на плодовое дерево (яблоню или сливу), чтобы его видели вороны» и говорили: “*Ia-ți cioara mărțișorul*” («Возьми себе, ворона, *мэрцишор*») [Sărbători... 2009. 5: 283–284].

Повязывание мартовской нити на ветку дерева по окончании ее ношения является самым распространенным способом «расставания» с ней и у румын (влахов), живущих на территории Болгарии, причем он практикуется и в настоящее время. Это действие в одних случаях объясняется стремлением сохранить/приобрести здоровье, в других — обеспечить урожай фруктов, или же тем и другим одновременно [Atlasul... 2011. 1: 100–101; 2011. 2: 102–103; ПМА 2005а; 2012а].

У арумын также известен обычай по окончании срока ношения мартовской нити вешать ее на ветку какого-либо плодового дерева. Считалось, что деревья, на которые повесят мартовские нити, дадут большой урожай фруктов; дети же верили, что ласточки, которые возьмут себе мартовские нити, принесут им на Пасху новую одежду [Țîrcomnicu 2004: 141–142; 2009: 60–61; Nenițescu 1895: 525]. (См. ниже о сходном обычае у греков.)

У румын в некоторых селах Добруджи повязывание мартовской нити на ветку растения было связано с обычаем заключения посестримства (*prinderea de surată*). Девочка (девушка) повязывала мартовскую нить на ветку розового куста, и если бутон на этой ветке распускался одновременно с бутоном на ветке, на которую повязала свою нить другая девочка, они становились посестримами (*se prindeau surate*) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. В скобках заметим, что обычай заключения побратимства или посестримства (*suțată*) у арумын мог быть приурочен к 1 марта. [Țîrcomnicu 2009: 60–61, 87]. У влахов долины Тимока встречается приурочение обряда заключения побратимства (посестримства — *însurăjit*) к дню Сорока мучеников [ПМА 2012а (информант Верка Бакырова)].

У болгар, как уже упоминалось в параграфе 3.3.1, обычай вешать снятую мартовскую нить на ветку дерева или кустарника широко распространен в северной части страны, в частности у капанцев на северо-востоке Болгарии, а также в областях Русе, Ловеч, София [Василева 1985: 200–235; 1993: 234–260; Попов 1999: 293–320; Миков 1985: 56, 60].

У македонцев расставание с мартовской нитью могло проходить следующим образом: у мияков в Галичнике (область Дебар) снятую мартовскую нить вешали, предварительно сняв с нее монеты, на ветку розового куста в саду, «за да бидет како него црвени и бели» («чтобы (ребенок) был, как роза, белым и красным (то есть красивым)») [Огняновиќ-Лоноски 2004: 148–149]. У македонцев в области Велес было принято помещать снятую нить на ветку колючего кустарника (ср. аналогичный обычай у румын, описанный в этом же параграфе) [Плотникова 2006а].

Известен этот способ «ритуального расставания» с мартовской нитью и у греков. Так, в округе Козани (северная Греция, западная часть греческой Македонии) зафиксирован обычай, согласно которому человек, увидев первую ласточку, говорил: «Возьми, ласточка, *марц* и на Пасху принеси мне всякого добра», а затем вешал *марц* на дерево, чтобы его забрала ласточка и взамен принесла в дом удачу. За этим деревом внимательно наблюдали — не забрала ли ласточка *марц*. Если в доме

происходило какое-либо радостное событие, то удачу приписывали ласточке, забравшей *марц* с дерева (сведения из с. Эратира) [Зайковская, Зайковский 2001].

Как уже сообщалось в параграфе 3.3.1, встречается обычай вешать мартовскую нить на дерево или кустарник (в частности, на гранатовое дерево, на розовый куст) и у албанцев [Анфертьев 1979а: 135; Юллы, Соболев 2003: 420–421]. У албанцев Приазовья, увидев ласточку, нужно было снять мартовскую нить и повесить ее на дерево (в идеале — фруктовое, но чаще обереги вешали на ветви акаций, которые росли около домов), произнеся обрядовую формулу: “*Listovičkë! Merre martën! Bun yurrik!*” («Ласточка! Бери *мартэ!* Делай гнездо!»). Считалось, что ласточки не могут обойтись при постройке гнезд без мартовских нитей (сведения из с. Георгиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а].

Повязывание мартовской нити на ветку молодого дерева было одним из распространенных способов «ритуального расставания» с этим оберегом у гагаузов (сведения из с. Котловина, Ренийский р-н Одесской обл.) [Сорочяну 2006: 162–163].

«Одаривать» мартовской нитью вернувшуюся перелетную птицу могли, как уже говорилось, не только вешая нить на ветку дерева или кустарника, но и помещая ее на дом, забор или просто подбрасывая в воздух (бросая на землю?). Обычай бросать мартовскую нить по окончании срока ношения на забор встречается у румын в Мунтении (жудец Брэила, жудец Яломица) и Северной Добрудже (жудец Тулча), на дом — в Северной Добрудже (жудец Тулча) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. В некоторых арумьских селах Северной Добруджи дети в день Сорока мучеников шли на окраину села, в рощу, где бросали свои мартовские нити. При этом они пели (письмо Эмиля Цырконику автору):

Lăndăruși, albă guși,	Ласточка, белое горло,
Dă-ni niheam di sănătati	Дай мне немного здоровья,
Să-ni băneadză dada ș-tati	(И) чтобы были живы и здоровы мои мать и отец,
Maș d-ароеа sora ș-frati ¹ .	А также сестра и брат.

¹ Сходный текст (на румынском языке) приводится в книге Т. Папахаджи [Papahagi 1979: 323–328]:

Rândunica, față roșie,	Ласточка, красная мордочка,
dă-mi puțină sănătate,	Дай мне немного здоровья,
să-mi trăiască mama și tata,	Чтобы были живы мать и отец,
sora mea cu tot frate...	(И) мои сестра и брат...

В некоторых местностях у арумын дети бросали мартовскую нить для того, чтобы ее взяла ласточка и соткала ребенку новую рубашку [Paparagi 1979: 323–328].

У румын, молдаван и болгар встречался обычай, согласно которому, впервые в марте увидев аиста, ребенок должен был снять мартовскую нить, бросить ее вслед аисту (рум.) или «навстречу солнцу» (болг.) и сказать: «Возьми себе черноту, дай мне белизну!» (рум. “*Na-ți negrețele, / Dă-mi albețele*”, болг. «*На ти тебе чернина, дай на мене белина!*») [Попович 1977: 287–295; Marian 1994: 312–313; Йорданова 1988: 45]. Это действие также направлено на сохранение красоты (конкретнее — на избавление от веснушек и пятен на лице). (Ср. магическую формулу «*Ластівко, ластівко, на тобі веснянки, дай мені білянки!*», употребляющуюся у украинцев при появлении ласточки 1 марта — см. гл. 2, п. 2.3.2.6.) У болгар в окрестностях г. Русе дети, впервые увидев цаплю, подбрасывали мартовскую нить вверх, «к солнцу», и говорили, обращаясь к цапле: «*На на тебе мартеница, а дай на мене здраве*» («На тебе мартовскую нить, дай мне здоровья») [Миков 1985: 60]. В области Хасково девушки, впервые весной увидев ласточку, снимали с шеи мартовскую нить, «чтобы шея была тонкой, как у ласточки» [Там же]. В области Дебарца (юго-западная Македония) дети, бросая мартовскую нить вслед первой ласточке (или аисту), выкрикивали: «*На ти ластојце мартинка, да ми даји кошула*» («На тебе мартинку, а мне дай рубашку») [Китевски 1996а: 72; Плотникова 2004б: 132]. В Струге, выполняя то же действие, говорили: «*Ластојце грамотнице, на ти сино и зелено, дај ми бело и црвено*» («Ласточка-грамотница, на тебе синее и зеленое, дай мне белое и красное») [Китевски 1996б]. Также в западной Македонии встречался обычай носить мартовскую нить, пока не запоет первая весенняя птица, чтобы ее пение не принесло человеку несчастья, болезни или смерти («*да не те разбие пилето*» — «чтобы тебя не разбила птица») [Петреска 1998: 146–147; Плотникова 2004б: 131]. У гагаузов Бессарабии встречались такие способы «расставания» с мартовской нитью, как бросание вслед пролетавшим журавлям (с. Конгаз) и оставление около гнезда аиста (г. Чадыр-Лунга) [Сорочану 2006: 162–163].

В целом обычай «одаривания первой весенней птицы» мартовской нитью распространен, как мы убедились, достаточно широко — он известен в Молдове, Румынии, в северной, центральной и некоторых районах южной Болгарии, западной Македонии, Албании, Греции.

Обычай оставлять мартовскую нить под камнем и затем гадать по ней имеет более ограниченное распространение — он встречается

у болгар (преимущественно в южных районах — Странджа, окрестности Карнобата, область Пловдив, Родопы, Пирин; а также в западных — области София, Перник, и северо-восточных — болгарская Добруджа), македонцев (в юго-восточной Македонии) и греков [Плотникова 2004б: 131; Василева 1974; 1993; Стаменова 1986; Анфертьев 1979а: 130; Трефилова 2006]. В этих местностях было принято, спрятав мартовскую нить под камень, на следующий день гадать о приплоде скота в текущем году: крупные насекомые (жуки и пр.), как правило, предвещали приплод у крупного рогатого скота, мелкие (муравьи, жучки) — приплод у коз и овец. Так, по поверьям жителей Пиринского края (юго-западная Болгария), прилипшее к мартовской нити насекомое сулило ее обладателю удачу в разведении домашних животных, при этом полагали, что муравьи на оставленном берегу означают приплод коз (села Гостун (община Банско, область Благоевград), Кременец (община Момчилград, область Кырджали)) или овец (с. Дыбрава (община и область Благоевград)), божьи коровки — приплод крупного рогатого скота (села Гостун, Кременец), пауки — приплод ослов (с. Дыбрава) [Дражева 1980]. В области Пловдив (к северу от р. Марица и в с. Брестник общины Родопи) считалось, что если под камнем обнаружили муравьи, это означает приплод овец, если же там оказались черви и крупные жуки — приплод лошадей и крупного рогатого скота. Девушки в этой местности по тому, какие насекомые окажутся под камнем, определяли, выйдут они замуж за пастуха или земледельца [Стаменова 1986]. Такой способ расставания с мартовской нитью, как оставление ее под камнем, типичен для всех сел области, за исключением с. Новаково (община Асеновград), где ее повязывали на плодородное дерево [Там же]. В окрестностях Перника зафиксировано гадание, согласно которому наличие насекомых под камнем предвещает богатство, а их отсутствие — бедность [Трефилова 2006]. В области София по наличию на мартовской нити насекомых могли гадать как о приплоде скота, так и о замужестве (в том случае, если гадала девушка) [Василева 1993]. Аналогичное девичье гадание встречается на северо-востоке Болгарии. Так, в с. Равна (община Провадия, область Варна) девушки снимали мартовскую нить, увидев первого журавля, и прятали ее под камень. Если на следующий день на нитках замечали какое-либо насекомое, то считали, что в текущем году должна быть свадьба [Седакова 2004].

Зафиксировано подобное гадание о приплоде скота и у болгар-переселенцев на территории современной Украины. Так, жители с. Преслав бывшей Таврической губернии (ныне — Запорожская обл. Украи-

ны) носили *мартиничку*, пока не появлялся первый аист, а затем клали ее под камень и спустя некоторое время смотрели, какие насекомые там окажутся: «Если окажутся муравьи, то у того, кто положил под этот камень свою ниточку, будут хорошие лошади; если окажутся божьи коровки — коровы и волы; если же под камнем ничего не окажется, тот, кто положил сюда свою нитку, останется нищим» [Державин 1914: 161]. У бессарабских болгар-переселенцев зафиксирован обычай, согласно которому дети клали мартовскую нить (которую снимали, впервые увидев аиста) под камень, а затем бежали от камня, для того чтобы не лезть в течение лета, со словами (записано в с. Криничное (Чишмяуа-Вэруитэ, Чушмелия) Болградского р-на Одесской обл. Украины):

Лéляк, лéляк кáвада,
Мурта, мурта сáвада!

Смысл этих слов неясен, понятно только слово *лéляк* — аист¹ [Там же: 161–162].

В Пиринском крае к середине XX в. сложился обычай, согласно которому матери стали класть мелкие монеты под камни, под которые дети прятали свои мартовские нити, дабы порадовать их «подарком от ласточки» [Дражева 1980]. В большинстве сел южной части области Пловдив уже в 30-е годы XX в. распространился обычай оставлять монету, якобы «принесенную аистом» (*донесана от щъркела*), под камнем, куда ребенок положил мартовскую нить. Вероятно, это модификация ранее существовавшего здесь гадания по мартовской нити [Стаменова 1986].

В юго-восточной Македонии (Гевгелия, Радовиш) мартовскую нить также клали под камень, то есть здесь фиксируется тот же способ уничтожения ритуального предмета, но с иной целью: в Гевгелии обнаруженные на мартовской нити насекомые сулили здоровье ее обладателю, тогда как отсутствие таковых предвещало несчастье, болезнь, смерть [Этнография... 1992: 240; Плотникова 2004б: 132]. В некоторых местностях Македонии мартовскую нить клали под белый камень, чтобы быть «белыми и красными» («*за да бидат бели и црвени*»), то есть

¹ По предположению д-ра В.И. Сырфа, сотрудника сектора этнологии гагаузов Института культурного наследия АН Молдовы (Кишинев), это двуступенное может быть переведено с гагаузского языка как «Аист, аист в воздухе, / Марта, Марта у Савы!»

красивыми [Китевски 1996b]. В окрестностях Радовиша дети, положив мартовскую нить под камень, верили, что получают взамен рубашечку [Делиниколова 1960: 154; Плотникова 2004б: 132].

По представлениям греков, обнаружение муравьев под камнем, под которым была оставлена мартовская нить, предвещало благополучие в течение года, и наоборот [Анфертьев 1979б: 130].

У румын и арумын также отмечен обычай по окончании периода ношения мартовской нити помещать ее под камень, но его связь с гаданиями не прослеживается. Так, у арумын в Северной Добрудже ожидалось, что из-под камня оберег заберет ласточка, у румын в той же северной Добрудже (округ Тулча, с. Никулицел) — что его заберет аист [Țircomnicu 2004: 141–142; Sărbători... 2009. 5: 283–284]. На территории Румынии этот способ «расставания» с мартовской нитью фиксируется, по-видимому, только в Добрудже (села К.А. Росетти, Лункавица, Никулицел, жудец Тулча) [Sărbători... 2009. 5: 283–284]. Также обычай помещать мартовскую нить под камень встречается у румын (влахов), живущих в долине р. Тимок (сведения из сел Балей и Гымзово общины Брегово, область Видин, Болгария) [Atlasul... 2011. 1: 100–101].

Еще одним способом «ритуального расставания» с мартовской нитью является бросание ее в текущую воду. Сведения об этом встречаются достаточно редко, однако те, что имеются, были зафиксированы в разных частях Карпато-Балканского региона: в частности, в северной части Албании, болгарской Добрудже, юго-западной Румынии (с. Половрадзь, жудец Горж, Олтения), у влахов в долине р. Тимок (с. Раброво, община Бойница, область Видин, Болгария). Объяснения этого обычая в разных местностях довольно сходны: «чтобы болезни лета ушли с водой» (сведения из с. Мухурр краины Дибра, Албания)¹; «чтобы ушло зло как по воде» («*да отиде злото като по вода*») (сведения из с. Кайнарджа общины Кайнарджа области Силистра, Южная Добруджа, Болгария); «чтобы ушло зло» (*să ducă rele*) (сведения из с. Половрадзь, жудец Горж, Олтения, Румыния) [Юллы, Соболев 2003: 420–421; Василева 1974; Йорданова 1972; Atlasul... 2011. 1: 100–101; ПМ А.А. Плотниковой и автора 2009 (информант Елена Пэпурикэ, ком. Половрадзь)].

У румын зафиксирован и такой способ расставания с мартовской нитью, как ее сожжение, когда она порвалась или потеряла вид (све-

¹ Впрочем, здесь встречаются и другие объяснения этого обычая: «чтобы шли дети и скот здоровыми», «чтобы скот много ходил» и был здоровым в этот год [см.: Юллы, Соболев 2003: 420–421].

дения из с. Сэрата-Мунтеору коммуны Мерей, жудец Бузэу, Мунтения) [Плотникова 2009]. Аналогичный способ уничтожения этого украшения-оберега зафиксирован у болгар (в городской среде) [Седакова 2009].

Очевидно, исходный смысл всех ритуалов расставания с мартовской нитью — избавление от зла, которое она на себя переняла. По мнению А.Н. Анфертьева, к которому присоединяется и автор, именно в этом состоит изначальный смысл всех операций, которые могут выполняться при «ритуальном расставании» с мартовской нитью — бросить вслед прилетевшей птице, бросить в реку, привязать на куст или дерево, положить под камень, но так или иначе избавиться от нее. И уже на этой основе возникают магические процедуры (гадания по мартовской нити, оставленной под камнем) и представления о симпатической связи оберега с тем, кто его носил [Анфертьев 1979б: 134].

3.4. Особенности бытования мартовских нитей в современной городской среде

Обычай дарения и ношения мартовских нитей в Румынии, так же как в Молдове и Болгарии, в социалистический период прочно укоренился в городской среде и в значительной мере получил статус этнического символа. Как обычай, не связанный с христианской традицией, он был одобрен официальной идеологией¹.

В городах современной Румынии мартовские нити (*mărțișoare*) носят почти исключительно женщины, девушки и девочки, но не все, хотя обычай дарить *mărțișoare* в первые дни марта сохраняется здесь до сих пор. В различных регионах страны этот обычай выглядит по-разному (вопреки тенденции «внутренней глобализации» румынской мартовской нити). Например, жители Тимишоары утверждают, что мартовские сувениры — *mărțișoare* — можно дарить только женщинам, девушкам и девочкам, а жители Крайовы считают, что мужчины, юноши и мальчики могут их дарить в качестве сувениров женщинам, девушкам и девочкам, тогда как особы женского пола могут дарить их как мужчинам

¹ Этому утверждению противоречат сведения, записанные А.А. Новиком у албанцев Приазовья, согласно которым в послевоенные годы учителя запрещали ученикам приходить в школу с мартовскими нитями, поэтому их приходилось прятать под одеждой (сведения из с. Георгиевка Запорожской обл. Украины) [Новик 2010а (информант А.К. Бурлачко)].

(юношам, мальчикам), так и друг другу; мужчины же не должны дарить их другим мужчинам¹.

В Республике Молдова мартовские нити-сувениры получают в подарок не только женщины от мужчин и других женщин, но и мужчины от женщин. Иногда мужчины даже носят их, прикрепив к лацкану пиджака.

У румын (влахов), компактно проживающих на территории северной Болгарии, мартовские нити носят независимо от пола и возраста, что, по-видимому, связано с болгарским влиянием [Atlasul... 2011. 1: 100–101; 2011. 2: 102–103].

Румынские мартовские нити-сувениры в настоящее время почти всегда являются покупными (хотя большая часть мартовских сувениров, которые продаются в первые дни марта на лотках всех румынских городов, выполнена вручную — их изготовление стало своего рода художественным промыслом, которым занимаются малоизвестные художники, студенты и др.) (см. рис. 10). Вероятно, только ученики начальных классов делают их сами (с помощью учителей) на уроках труда, а затем дарят своим матерям.

Рис. 10. Продажа мартовских нитей в Тимишоаре.
Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г. Архив автора

¹ Устные сообщения Отилии Хедешан, проректора Университета Тимишоары, и Адрианы Улиу, доцента филологического факультета Университета Крайовы.

В наши дни в румынских городах мартовские нити продаются в последние дни февраля — первые дни марта. Дарят их не только 1 марта, но и в другие дни в начале месяца; женщины и девушки довольно часто получают их в подарок 8 Марта. К концу периода «баб», или «бабиных дней», мартовских сувениров в киосках и на лотках становится меньше и цены на них заметно снижаются.

Румынская мартовская нить — *mărțișor* — изготавливается в настоящее время почти исключительно из шелковых ниток, всегда — белой и красной. К ней, как уже говорилось, может быть прикреплен маленький декоративный объект из металла, украшенного эмалью, фактически представляющий собой кулон (подвеску). Чаще всего это какой-либо символ счастья — подкова, клевер с четырьмя листочками, ключ, божья коровка, изображение трубочиста, однако встречаются также изображения цыплят, котят, щенков, бабочек и т.д. Именно такой *mărțișor* чаще всего служит украшением; носят его, обычно приколов к одежде (на грудь) с помощью булавки (см. рис. 4, 8). В 50–60-е годы XX в. в городах и даже некоторых селах Румынии были распространены мартовские нити (сувениры), которые состояли из красно-белого шнурка, изготовленного из двух перевитых шелковых ниток и «символа счастья» (изображения подковы, ключа и т.д.), изготовленного не из жести, как в наши дни, а из золота или серебра. Такие мартовские нити также носили на груди. Так, жительница коммуны Дэбулень (жудец Долж, Олтения) Лучия Флореску сообщила, что в школьные годы (в 1960-х годах) у нее была золотая подвеска к мартовской нити, которую она носила только в первые дни марта, каждый год подвешивая ее к новой шелковой нити. Она рассказала также, что ее учительница ежегодно получала в подарок от учеников и их родителей новый *mărțișor* с подвеской из драгоценного металла [ПМА 2005б]. По-прежнему встречаются и мартовские нити, украшенные крестиками или иконами (рис. 11, 12). В прошлом, как говорилось выше, крестик наряду с монетой был одним из самых распространенных дополнений к румынской мартовской нити.

В наши дни «символы счастья», прикрепляемые к мартовской нити, могут быть изготовлены не только из металла, но и из других материалов, например, встречаются изображения ключей и подков из оргстекла, внутрь которого помещены фрагменты засушенных цветов (рис. 13, 14). Из такого же оргстекла изготавливают и буквы-инициалы, сердечки и др., которые также подвешивают к красно-белым шелковым нитям (рис. 15). Встречаются и мартовские нити с изображениями знаков зодиака, металлическими или керамическими.

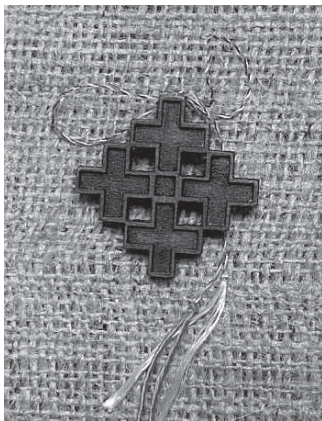

Рис. 11. *Мэцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и крестика. Румыны, Румыния

Рис. 12. *Мэцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и металлической иконы. Предназначен для ношения на груди. Румыны, Румыния, г. Тимишоара. Архив автора

Рис. 13. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, кулона из оргстекла в форме ключа и открытки. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-42

Рис. 14. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, кулона из оргстекла в форме подковы и открытки. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-41

Рис. 15. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и кулона из оргстекла в форме сердечка, помещенных в картонную упаковку. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-46

Рис. 16. *Мэрцишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и кулона из пластмассы в виде сердечка. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-45

В настоящее время в сувенирных киосках румынских городов в первые дни марта продаются также кулоны из полудрагоценных камней или имитирующей их цветной платмассы, подвешенные к мартовским нитям (рис. 16). Эти кулоны их владелицы могут носить и по прошествии первых дней марта, без мартовской нити, но если их носят в первые дни весны, то, как правило, не как кулоны, а как броши на груди. В первые дни марта в сувенирных киосках и на лотках можно купить и обычные броши с прикрепленными к ним мартовскими нитями.

Если *mărțișor* используется в качестве украшения, его носят, как уже говорилось, обычно на груди, как брошь (см. рис. 8, 9). 20–30 лет назад существовала мода носить мартовские нити, прикрепив их к ремешку или браслету часов. В настоящее время мартовские нити на руке носят только маленькие девочки¹.

¹ Устное сообщение Отилии Хедешан.

Рис. 17. Продажа композиций из цветов, украшенных мартовскими нитями в Тимишоаре. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, март 2005 г. Архив автора

Рис. 18. *Мэртишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и композиции из искусственных цветов. Румыны, Румыния, г. Крайова, конец XX в. МАЭ. Колл. № 7438-59

В Румынии распространены также мартовские нити-сувениры, которые изначально не были предназначены для того, чтобы их носили в качестве украшений (речь идет, в частности, о букетах живых или искусственных цветов (рис. 17, 18), композициях из засушенных цветов (рис. 19) или птичьих перьев (рис. 20), маленьких куклах (рис. 21) и открытках (рис. 22), которые принято преподносить в подарок вместе с прикрепленными к ним или, в случае с некоторыми открытками, с изображенными на них мартовскими нитями). В первые годы после революции 1989 г. в Румынии нередко встречались мартовские нити с портретами политических деятелей (в первую очередь с портретом Петре Романа), которые также не были предназначены для ношения¹. В последние годы наряду с уже ставшими традиционными мартовскими нитями-открытками, которые можно было посылать друзьям и родственникам по почте, получили распространение виртуальные открытки с изображениями мартовских нитей или даже целые виртуальные пре-

¹ Устное сообщение Отилии Хедешан.

Рис. 19. *Мэришиор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, композиции из засушенных цветов, пластины из белого металла и куска картона с надписью “mărțișoare” («мартовские нити»). Румыны, Румыния, г. Крайова, конец XX в. МАЭ. Колл. № 7438-32

Рис. 20. *Мэришиор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити, композиции из перьев, выкрашенных в разные цвета, и пластиковой упаковки. Румыны, Румыния, г. Крайова, конец XX — начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-35

Рис. 21. *Мэртишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и куколки, помещенных в картонную упаковку. Румыны, Румыния, г. Тимишоара, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-48

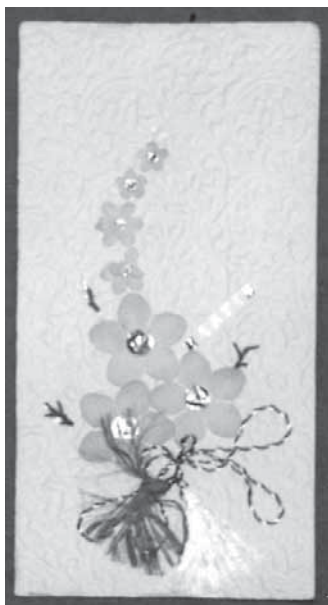

Рис. 22. *Мэртишор* — мартовский сувенир, состоящий из мартовской нити и открытки. Румыны, Румыния, Олтения, жудец Долж, коммуна Дэбулень, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 7438-1

зентации с фотографиями мартовских нитей и сувениров, дополненные музыкальным сопровождением, которые рассылаются по электронной почте.

На наш взгляд, можно утверждать, что обычай *носить* мартовские нити в первые дни весны в современной Румынии постепенно исчезает. Мартовские нити, которые теоретически предназначены для того, чтобы носить их в качестве украшений, часто продаются в красивой упаковке или прикрепленными к открыткам с надписями типа: *1 martie* (1 марта), *Martie* (Март), *La mulți ani* (Многие лета), *Cu dragoste* (С любовью), в различных конвертах, коробочках и т.д., и зачастую остаются нераспакованными. Таким образом теряется древняя функция мартовской нити — функция оберега. Современный румынский *мэрцишор* в большинстве случаев выполняет функцию *подарка*, знака любви или дружбы, уважения, доброго отношения. Доказательством этого является и то, что в настоящее время самое большое число мартовских нитей-сувениров получают в подарок в первые дни марта женщины — учителя и преподаватели лицеев и высших учебных заведений от своих учеников и студентов. В некоторых случаях термин *mărțișor* у румын употребляется по отношению к подарку, который преподносят 1 марта, причем собственно мартовская нить может и не прилагаться¹. В настоящее время дарение конфет, шоколада, цветов и др. вместе с мартовской нитью или даже вместо нее встречается и в городах, и в селах Румынии [ПМА 2012б].

Болгарские мартовские нити в настоящее время, как правило, изготавливаются из шерстяных, реже — из шелковых ниток, о чем свидетельствуют экспонаты из колл. № 7438. Однако почти все мартовские нити из колл. № 6944, собранные в Болгарии и датирующиеся 50–80-ми годами XX в., выполнены из шелковых ниток. Изредка в современной Болгарии встречаются мартовские нити из фабричной тесьмы, ткани, кожи и т.д., однако традиционная цветовая гамма сохраняется.

В Болгарии *мартеници* носят в настоящее время и женщины, и мужчины, и дети. В то же время, согласно сведениям, собранным автором во время экспедиций в места проживания бессарабских болгар (с. Чийшия (Городне) Одесской обл. Украины), здесь мартовские нити носят только женщины и дети, что, возможно, связано с молдавским влиянием [ПМА 1999 (информант Мария Н. Кирмикчи, с. Чийшия)].

В Болгарии до сих пор мартовские нити довольно часто носят на руке. *Мартеница*, которую носят на руке, выглядит как шнурок из двух

¹ Устное сообщение О. Хедешан.

переплетенных ниток, как правило, шерстяных, белой и красной, украшенный кистями тех же цветов или бусинами (рис. 23), или браслет, сплетенный или связанный из ниток белого и красного цветов (рис. 24), иногда с добавлением черного, синего или зеленого. *Мартеница*-браслет также может быть украшена бусинами.

Рис. 23. Мартеница для ношения на руке, украшенная бусинами. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-90

Рис. 24. *Мартеница*-браслет. Болгары или вlahи (по изготовлению), вlahи (по бытованию), Болгария, г. Брегово, область Видин, Болгария, конец XX — начало XXI в.
Архив автора

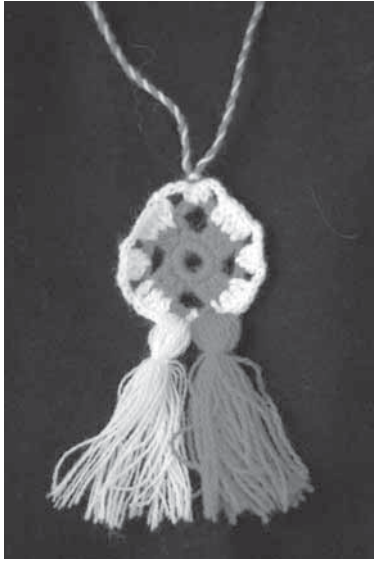

Рис. 25. Мартеница-«кулон». Болгары или влахи (по изготовлению), влахи (по бытованию), Болгария, г. Брегово, область Видин, Болгария, конец XX — начало XXI в.
МАЭ. Колл. № 7438-72

Несколько реже встречаются у болгар мартовские нити-кулон. Современная болгарская *мартеница*-кулон обычно выглядит как шнурок из двух перевитых ниток, белой и красной, к которому прикреплен какой-либо декоративный объект, изготовленный также из ниток или бусин (рис. 25). Встречаются и более «модернизированные» варианты, которые сохраняют традиционную цветовую гамму, однако уже потеряли «мартовскую нить». Так, современная болгарская *мартеница*-кулон может представлять собой, например, белый кожаный шнурок, к которому подвешено пластмассовое сердечко красного цвета.

В сувенирных магазинах и киосках Софии можно увидеть также наборы, состоящие из *мартенички*-кулона и *мартенички*-браслета.

В Болгарии также распространены мартовские нити, предназначенные для ношения на груди, как броши. Мартовские нити-броши чаще всего бывают полностью изготовлены из ниток, шерстяных (рис. 26) или шелковых (рис. 27). Встречаются также мартовские нити-броши, украшенные бусинами — синими, красными или имитирующими жемчуг (см. рис. 7), бисером или различными декоративными объектами, изготовленными из металла (рис. 28 — МАЭ. Колл. 6944-11а, б, в, г; рис. 29), пластмассы (рис. 30 — МАЭ. Колл. № 6944-16, в; рис. 31; рис. 32 — МАЭ. Колл. № 6944-3а; рис. 33, 34), дерева (см. рис. 32 — МАЭ. Колл. № 6944-3б), кожи и др. *Мартеница*, которую носят на груди,

Рис. 26. Мартеница-«брошь» из шерстяных ниток. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-73

Рис. 27. Мартеница-«брошь» из шелковых ниток. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. Архив автора

Рис. 28. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-11а, б, в, г

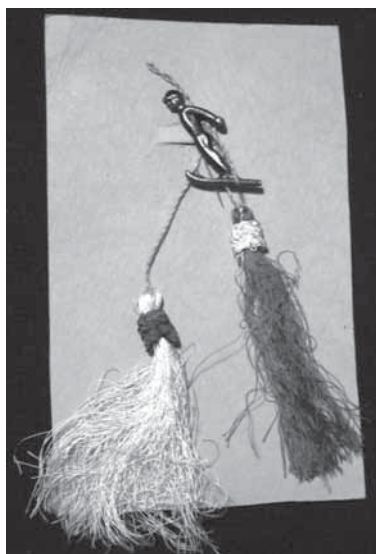

Рис. 29. Значок с прикрепленной к нему мартовской нитью. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-12

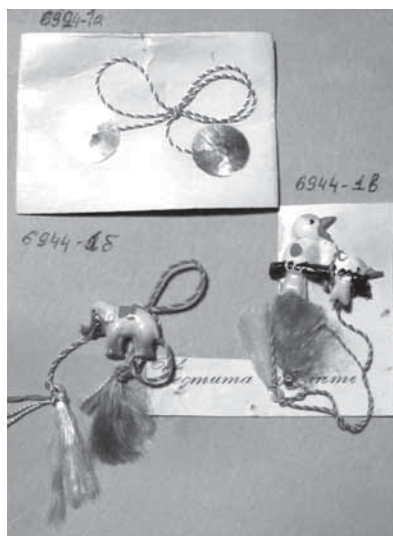

Рис. 30. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-1а, б, в

Рис. 31. Мартеница-«брошь», украшенная пластмассовым изображением ослика. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-2

Рис. 32. Мартовские нити-«броши». Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-3а, б

Рис. 33. Мартеница, прикрепленная к изображению черной кошки. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-6

Рис. 34. Мартеница, украшенная пластмассовым изображением черной кошки. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-8

может выглядеть как бело-красный шнурок из двух переплетенных нитей, завязанный бантиком, украшенный кистями или изображением подковы, божьей коровки (символов счастья) (см. рис. 32), какого-либо животного, например черной кошки (см. рис. 33, 34), птицы (см. рис. 30), цветов, сердечка, одной или двух маленьких кукол (если кукол две, то они изображают мальчика и девочку) (см. рис. 6). Мартовские нити, предназначенные для ношения на груди, нередко продаются в красивой упаковке. Довольно часто они бывают прикреплены к открыткам или кускам картона с надписью «*Честита Баба Марта*» («Поздравляю(-ем) с Бабой Мартой») (см. рис. 7). На наш взгляд, они постепенно теряют функцию украшений-оберегов и, возможно, в будущем станут просто *мартовскими сувенирами*, как это происходит в настоящее время с румынскими мартовскими нитями.

Рис. 35. Мартеница и кукла — мужская фигурка, прикрепленные к картонной карточке с изображением ласточки. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-93

Рис. 36. Открытка с прикрепленной к ней мартовской нитью. Болгары, Болгария, вторая половина XX в. МАЭ. Колл. № 6944-33

В современной Болгарии, как и в Румынии, можно встретить мартовские нити (мартовские сувениры), которые в принципе не предназначены для того, чтобы носить их в качестве украшений. Это в первую очередь мартовские нити, прикрепленные к открыткам или картонным карточкам (рис. 35¹, 36 — МАЭ. Колл. № 6944-33), или даже *открытки с изображением* мартовской нити (рис. 37). Встречаются также мартовские сувениры — настенные украшения из ниток (рис. 38).

¹ Данный экспонат представляет собой мужскую фигурку, изготовленную из цветных ниток, прикрепленную к картонной карточке. Карточка украшена изображением ласточки, несущей в клюве мартовскую нить (ср. приведенные выше сведения об обычае «отдавать» мартовскую нить ласточке).

Рис. 37. Открытка-мартеница. Болгары, Болгария, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-61

Рис. 38. Мартеница, украшенная изображением куклы. Вероятно, настенное украшение. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. МАЭ. Колл. № 7438-87

Нужно также отметить, что в Болгарии в наши дни распространены мартовские нити с портретами известных артистов или героев блокбастеров — Гарри Поттера, Бэтмена и др., спортсменов, политических деятелей (фактически они представляют собой фотографии с прикрепленными к ним красно-белыми нитями). В более ранний период были популярны мартовские нити, украшенные такими символами современной жизни, как, например, изображение самолета (см. рис. 28) или лыжника (см. рис. 29) (экспонаты колл. № 6944 относятся к 50–80-м годам XX в.). Нередко можно встретить и мартовские нити, дополненные различными «этнографическими» объектами, такими как бубенцы для коров или овец (рис. 39) или изображения традиционного болгарского передника-*престилки*, традиционной обуви «*цырвули*», декоративной тарелки, расписанной в «национальном» стиле (рис. 40, см. также рис. 32), или прикрепленные к открыткам с изображением пастушка, юноши и девушки в «национальной» одежде (см. рис. 36) и т.д. Эти мартовские нити, на наш взгляд, сходны с молдавскими, изготавливавшимися в последние десятилетия социалистического периода. Так, в кол-

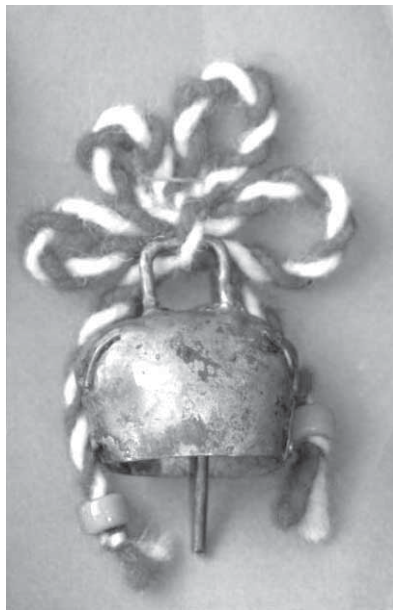

Рис. 39. Маргеница и бубенец. Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в.
МАЭ. Колл. № 7438-96

Рис. 40. Мартеница, украшенная изображением «престилки»-фартука.
Болгары, Болгария, г. София, начало XXI в. Архив автора

лекции Российского этнографического музея имеются молдавские мартовские нити (сувениры) с прикрепленными к ним игрушечными опинками (традиционной обувью), куклами в традиционных костюмах и т.д. [Коллекционные описи РЭМ 67: 169; 279: 12–22]. Данное явление, возможно, связано с тем, что болгарские и молдавские мартовские нити в тот период в определенной степени были ориентированы на «внешне-го» потребителя, их изготовители могли преследовать цель ознакомить с этой традицией представителей других этносов, жителей других регионов (в случае с молдавскими мартовскими нитями — жителей других республик СССР), тогда как румынские мартовские нити и в «коммунистический» период, и в настоящее время ориентированы почти исключительно на румынского потребителя.

Традиционная болгарская *мартеница* постепенно превращается в сувенир, предназначенный не в последнюю очередь для иностранцев. Так, в 2005 г. в Софии мартовские нити можно было купить в любом сувенирном магазине в середине апреля.

Кроме того, в наши дни в Болгарии, как и в Румынии, наряду с почтовыми открытками с изображениями мартовских нитей получили широкое распространение виртуальные открытки, а также целые презентации из фотографий и видеоклипов на эту тему с музыкальным сопровождением, которые можно отправлять по электронной почте.

Из всего вышесказанного очевидно, что в Болгарии, как и в Румынии, в первые дни марта принято дарить главным образом мартовские нити (сувениры), купленные в магазинах и киосках, которые, однако, зачастую являются изготовленными вручную (их изготовление здесь также стало своеобразным художественным промыслом). В детских садах и начальных школах дети в конце февраля изготавливают *мартеници* в подарок своим матерям¹.

И здесь, как и в Румынии, самое большое число мартовских нитей-сувениров получают в подарок 1 марта женщины — учителя и преподаватели вузов, что свидетельствует о том, что и в Болгарии мартовская нить постепенно превращается из оберега в знак внимания, уважения и доброго отношения.

Однако при этом у болгар, в том числе и в городской среде, и в настоящее время принято вешать мартовские нити на ветви плодовых и декоративных деревьев и кустарников. Весной в садах и парках Софии яблони, черешни, сливы, кусты роз и шиповника украшают многочисленные мартовские нити (см. рис. 41). По утверждению И.А. Седаковой, имевшей возможность сравнить впечатления от софийской весны 2006 г. с тем, что ей приходилось видеть в Софии в тот же календарный период около 25 лет назад, «развешанных мартениц, да еще в таком количестве, в Софии в конце 70-х не было» [Седакова 2009: 139–147]. Весной 2012 г. автору удалось сфотографировать болгарские мартеницы в парках Лондона — Гайд-парке, Ридженс-парке и др. (см. рис. 42).

Вторичная фольклоризация обычаев, связанных с мартовской нитью, в Болгарии, по-видимому, получила большее развитие, чем в соседних странах. В этой связи можно вспомнить появившуюся в социалистический период традицию прихода 1 марта в детские сады и школы «Бабы Марты» (женщины в «национальном костюме»), раздающей детям *мартенички*. Эту традицию восприняли и румыны (влахи), компактно проживающие на территории областей Видин, Враца и Плевен

¹ Устное сообщение Йорданки Павловой, воспитательницы детского сада из Шумена, Болгария.

Рис. 41. Мартовские нити на ветвях деревьев. Болгары, Болгария, София, апрель 2005 г. Архив автора

Рис. 42. Болгарская мартовская нить на ветке дерева в Ридженс-парке. Лондон, апрель 2012 г.

[Atlasul... 2011, 1: 100–101; 2011, 2: 102–103; ПМА 2012а (информант Верка Бакырова)].

* * *

Анализ сведений, которыми мы располагаем, позволяет утверждать, что в настоящее время мартовские нити, по крайней мере в Румынии, Молдове и Болгарии, являются в первую очередь символами начала весны, неизменными спутниками ее первых дней. Обычай ношения и дарения мартовских нитей воспринимается и румынами, и болгарами как нечто специфичное именно для их страны. На наш взгляд, болгарская *мартеничка*, несмотря на «вторичную фольклоризацию», в большей мере сохранила функцию оберега, приносящего удачу, тогда как румынский *мэрцишор* в настоящее время выполняет в первую очередь функцию подарка, знака любви, дружбы, уважения и доброго отношения. В то же время в Болгарии этот предмет и обычай приобрели, как уже говорилось, более выраженную этническую окраску. Так, в настоящее время в крупных городах Болгарии *мартенички* стали «традиционным болгарским сувениром», предлагаемым туристам в любое время года. Кроме того, в болгарском сегменте Интернета тиражируется информация о «новой старой» мифологии мартениц — так, наряду с «традиционной» легендой об «изобретении» мартеницы сестрой хана Аспаруха в последние годы встречаются и версии, относящие появление этого украшения-оберега к фракийским временам и связывающие его с именем Орфея (подробнее об этом см.: [Седакова 2009: 139–147]).

Основной функцией мартовской нити изначально была функция оберега, который должен был защищать того, кто его носит, от злых сил в «опасный» период начала весны и обеспечить ему здоровье, привлекательность и удачу на весь оставшийся год. Однако постепенно она вытесняется функцией подарка, если не туристического сувенира.